

АЛЕКСАНДР ЛАПИН

СВЯТЫЕ ГРЕШНИКИ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

I

Ему часто снился один и тот же странный сон...

...Мальчик был маленький. И времени для него ещё не было. Было только непостижимое пространство зелёной лужайки. А в центре светилась прекрасная и таинственная планета — алая, только что распустившаяся роза. Тугая спираль её лепестков переливалась оттенками огненного, ярко-красного, бордового.

Цветок завораживал и манил.

Над розой сейчас летал крохотный полосатый монстр. Его прозрачные крылья гудели, а мохнатые, рахитично полусогнутые ножки с острыми коготками нащупывали опору. Наконец, он зацепился за упругий лепесток и повис на нём. Хрустальные глаза, словно зеркала, отразили голубую траву и сидящего перед цветком ребёнка.

Ребёнок был мир.

Оса тоже была мир.

ЛАПИН Александр Алексеевич родился в 1952 году в станице Прохладная Кабардино-Балкарской АССР. В 1978 с отличием окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. В 1986 году пришел в "Комсомольскую правду" собкором по Казахстану. За 15 лет прошел путь от журналиста до заместителя генерального директора газеты. В 2000 году переехал в Воронеж, создал Издательский дом "ЕВРАЗИЯ-ПРЕСС – XXI ВЕК". Наиболее широко известен читателям роман А. Лапина «Русский крест» в 6 книгах. Награждён премией Правительства РФ в области СМИ, международной литературной премией имени В. Пикуля. Заместитель председателя комитета Воронежской областной думы по местному самоуправлению, связям с общественностью и СМИ. Член Союза писателей России.

Блестящие расширенные зрачки мальчика с интересом следили за ней.

Затем ребёнок протянул руку и взял летающего тигра пальчиками.

Два мира встретились.

Оса повернула голову. Обидчиво поджала хоботок. Предупреждающе, как бы примериваясь, выпустила и снова втянула в брюшко зазубренное жало. Ребёнок в ответ крепче сжал пальцы на плотном полосатом панцире.

Тогда оса, резко подгибая брюшко, ударила чёрным стилетом в розовый пальчик.

Крик боли и ужаса огласил вселенную лужайки...

На этот крик первой прибежала сестра Настя. Круглолицая девочка, очень резвая и лукавая. Она сначала подула на пальчик, пытаясь утешить, успокоить одетого в белую матроску с галстучком трёхлетнего кудрявого Алексея. Но это ей не удалось. Следом за нею, как птички, подлетают и старшие сестры. Рассудительная Ольга, осторожная, спокойная Татьяна и красивая Мария. Они хлопочут вокруг плачущего мальчика до тех пор, пока из противоположного, заросшего кустарником угла парка к ним не приближается одетый в белую рубашку и морскую фуражку дядька. Его усатая украинская физиономия выражает высшую степень озабоченности и беспокойства. Он видит уже начавший синеть и вспухать пальчик, хватает Алексея в охапку и, бережно прижимая его к широкой груди, уносит в жёлто-белое здание...

II

Прошло-пролетело уже больше десятка лет с тех пор, как преуспевающий топ-менеджер крупнейшей газеты страны покинул столицу и перебрался в российскую глубинку. Здесь он поднял с нуля собственный издательский холдинг, обрёл новую семью, восстановил с соратниками церковь в селе. И построил свой дом.

Стоит этот дом первый в уличном ряду. Рядом никто не строится, потому что метров через сто пятьдесят высокий, заросший деревьями берег. А под ним течёт прозрачная плавная река.

Напротив дома, на левом пологом берегу, расположился заповедник с бесчисленными озёрами, камышовыми зарослями и протоками.

Прямо за новенькой улицей — старое село Луговое, за огородами и садами которого бескрайнее поле русской равнины, перемежающееся перелесками и лесными полосами.

Большой трёхэтажный бело-розовый дом Дубравиных внешне стилизован под усадьбу девятнадцатого века. Стоит независимо и горделиво — с колоннами, огромными окнами и балконами — среди садовых деревьев.

Красивый дом, в котором живёт хорошая, дружная семья.

В подвале теснятся на полках домашние консервы: банки с помидорами, огурцами, вареньем. В особом отсеке аккуратно сложена в ящики картошка, яблоки, морковь, свёкла. Морозильный ларь хранит мясо.

Первый этаж занимает столовая и большая парадная гостиная с неизменным камином. Тут частенько собираются гости.

На втором — три спальни и два санузла с тёплыми полами.

На широкий задний двор выходят ворота гаража. В боксе на четыре места стоят: чёрный “Мерседес” хозяина, “Лексус” его жены и красный “Корнэк-горбунок” — американский багги, на котором Дубравин иногда “рассекает” по окрестностям.

А над гаражом — так называемая игровая комната: просторное помещение с огромным, просто-таки гигантским диваном и зелёным бильярдным столом.

На третьем этаже безраздельно властвует сам хозяин. Тут его мир. Как в отсеке подводной лодки, здесь всё предназначено для автономного существования. Кабинет, библиотека и что-то похожее на спортзал — со штангой, беговым тренажером и шведской стенкой.

По утрам Дубравин уединяется в этом своем мирке и колдует над бумагами.

Сегодня он спит на широком балконе. Эта привычка ночевать в тёплом время года на открытом воздухе осталась у него с детских лет.

Александр просыпается от луча солнца, который, проникнув через застеклённую дверь широченного балкона, начинает греть ему лицо, светить в глаза.

Он проснулся. Но глаз не открывает. Переваривает этот давнишний и часто повторяющийся сон: маленький мальчик в матроске, которого укусила оса. Он знает, что его зовут Алексей. Но кто он? Откуда этот сон? На этот вопрос, который Дубравин задаёт сам себе уже много лет, ответа нет.

“Кто? Что?” К чему задавать себе эти праздные вопросы, когда дел невпроворот. И надо срочно ехать в столицу, с которой у него связан целый кусок жизни.

В Москве предстоит решить несколько вопросов. И встретиться с двумя не совсем обычными людьми. Так что понежился в кровати с десяток минут и — срочно одеваться. Тем более что его ждут.

Дубравин выглянул в окно спальни, выходящее во двор. Так и есть — Витька Палахов, бывший прапорщик-десантник, седовласый, в рубашке на выпуск, уже подогнал к парадному входу чёрного “мерина”.

Значит, пора...

* * *

Дорога от города Ч. до Москвы теперь новая, четырёхполосная. И идёт мимо городов и сёл. Быстрая дорога, но скучная. Раньше каждая поездка была приключением. Теперь — просто работа. Теперь приключения начинаются на кольцевой. Когда попадаешь в чудовищную пробку.

Езда по Москве — это отдельная песня. Грустная и полная драматизма. Но в конце концов, после посещения двух офисов они оказываются в последней точке. Возле белого каменного забора, за которым видны блестящие маковки храма. Это московское подворье одного известного в России монастыря.

Дубравину сюда и надо.

Он покидает уютный салон “Мерседеса” и вылезает на пронизывающий ветер. Зябко. Поёживаясь и осматриваясь по сторонам, он идёт вдоль белокаменной ограды до тех пор, пока не наткнется на металлическую калитку. Возле неё стоит женщина-побирушка. Из тех, что ходят по городам и весям в чёрных, якобы монашеских, одеждах с ящичками в руках. Она гнусавит: “Подайте на строительство храма!”

Александр останавливается. Бросает в узкую щель деревянного ящичка купюру. Затем неуверенно переступает металлический порожек. Дубравин не знает монастырских порядков. И думает, что где-то здесь, на входе, должен стоять суровый привратник. Но такового не оказывается. И, приятно удивленный, Александр ступает на дорожку, ведущую к храму.

По пути достает телефон и набирает заветный номер.

— Алло! Пётр Андреевич! Я приехал. Нахожусь во дворе монастыря. Куда дальше идти?

Слышит в ответ:

— Стой на месте! Я сейчас подойду!

Дубравин опять останавливается. Снимает чёрную кепку с козырьком. Складывает три пальца в щепоть. И, как говорится, “обмахивается” на купола.

Через секунду на выложенной плиткой дорожке появляется тот, кого он ждал, — худощавый человек небольшого роста в тёмном плаще. На сухом, с правильными тонкими чертами значительном лице — внимательные, усталые глаза. Аккуратные усы.

Подходит. Подает тонкую кисть с длинными пальцами.

— Ну, здравствуй! Как добрался?

— Здравствуйте, Пётр Андреевич! Едва нашёл это подворье! Но нашёл. И вовремя!

— Пойдём! Нас уже ждут!

И они быстро зашагали мимо старинного маленького храма к виднеющемуся за мокрыми после дождя деревьями белому братскому корпусу.

На пороге их встретил молодой симпатичный послушник и повёл вглубь помещения. Дубравин, ожидавший здесь встретить что угодно: вериги, рясы, кресты, иконостасы — увидел просто хорошо отделанный офис.

Ещё пара дверей, и они со спутником оказались, судя по всему, в кабинете настоятеля.

Большая комната в два окна. Хорошая мебель. Кресло. Стол с приставным столиком. На столике накрыт обед в изящной посуде.

Глянув на креветки, белорыбицу и котлеты с овощами, Дубравин слотнул слюну.

Они сняли верхнюю одежду, и служка куда-то её унёс.

Пока хозяина не было, Александр принялся оглядываться, оценивать место: “Если бы не многочисленные иконы, то можно подумать, что здесь расположился модный адвокат или директор солидного музея!”

Его внимание привлекла небольшая изящная Библия с бронзовой резной застёжкой и такими же бронзовыми прелестными изображениями крылатых серафимов по углам. Он долго вглядывался в лик Христа в центре переплёта. И даже рискнул взять в руки этот маленький шедевр книгоиздания.

Хозяин кабинета вошёл неожиданно. Молодой, рыжебородый, волосы расчёсаны на прямую пробор. Ряса тонкого, хорошего сукна. Видно, что человек грамотный и интеллигентный.

Поздоровались. Рюриков представил их друг другу:

— Александр Алексеевич — наш сторонник, медиамагнат! Я вам о нём рассказывал. Хочет поучаствовать в великом деле отрезвления русского народа!

И к нему:

— Игумен Фотий, настоятель этого подворья, мой духовник, председатель церковной комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

— Скорее не по борьбе, а за трезвый образ жизни мы ратуем. Пришло время выступить... Впрочем, что я вас держу на ногах? Прошу к столу.

Настоятель прочитал короткую молитву.

Все расселись.

Дубравин сразу потянулся за хлебом, начал мазать корочку маслом. Отец Фотий, кивнув на стоящую на столе бутылку красного чилийского вина, чинно предложил:

— Может быть, по бокальчику? За знакомство! За почин!

Дубравину стало неловко:

— Как-то не очень здорово будет. Дело, ради которого мы собрались, благое. Борются с повсеместной пьянкой. И начинать его с бокалом в руках как-то не того...

Его поддержал и Пётр Андреевич:

— Н-да! Наверное, не очень!

Игумен — человек интеллигентный, не настаивал:

— Ну, конечно! Но поесть не помешает. Разговор долгий.

“Хлеб да каша — пища наша”. Монахи в еде толк знают. И креветки прямо тают во рту.

Наконец, губернатор, отставив в сторону прибор, заговорил о том, для чего они и собрались:

— Вот мы с Александром Алексеевичем затеваем дело. У него возможности в прессе. А область готова организовать общественность на поддержку. Всё, вроде, готово. Ждём отмашки от Церкви. Почина!

— Вот это здорово! Это хорошо! Тогда вы вступайте в нашу организацию — “Общее дело”! — предложил настоятель.

— Мы хотим назвать нашу областную организацию не “Общее дело”, а “Трезвое дело”. Но, в принципе, задачи те же! — заметил Рюриков.

— Ну что ж, пусть так! Важно не название. Пьют много! И как будто напрочь забыли, что в годы горбачёвской антиалкогольной кампании, при всех её перегибах и переломах, у нас резко упала смертность. И поднялась рождаемость — так, что Россия тогда получила дополнительно полтора миллиона ребятишек. А что сейчас? Сами знаете! Пьянка опять повальная! Надо переломить этот тренд! — горячо произнёс свою тираду отец Фотий.

Пока он говорил, Дубравин чувствовал, с одной стороны, радость от того, что теперь он не один, что есть ещё люди, которые готовы вместе с ним побороться за свой народ. А с другой — он ощущал скорбь и тяжесть в сердце. И появилось это недавно. С вестью о том, что старший брат его Иван “допился до чёртиков”. И умер, не дожив даже до пенсии.

Он и до этого размышлял обо всём происходящем на Руси великой. Несколько раз разговаривал с разными людьми на тему о том, что надо “пьянку прекращать”. Иначе быть беде. Но наткнулся на явное непонимание. Один очень большой человек так и заявил ему в сердцах:

— Вы что, сдурели! Да наш народ на вилы поднимет того, кто попытается запретить ему пить! Забыли о Горбачёве?

На что Дубравин, как ему тогда казалось, резонно ответил:

— Народ уже устал пить! Надо, чтобы кто-то просто сказал ему: “Хватит!”

И сейчас, вспомнив эти сомнения, он заметил:

— Нашего человека пока палкой не огрешь — не пошевелишься!

На что игумен Фотий резко возразил:

— Как палкой? Вот вас же палкой никто не гонит! Сами дошли!

Дубравина даже передёрнуло от его тона. Однако смирением тут и не пахнет. Суровенький поп.

Но оказалось, что поп не только суровенький, но и талантливый.

После не слишком длительного застолья он повёл своих гостей в просторный зал, где стояло десятка два стульев и был громадный телевизор.

Здесь отец Фотий стал показывать своё творение — несколько впечатляющих роликов.

Дубравин, словно замороженный, смотрел, как по дороге в никуда течёт огромная человеческая река. Течёт и тонет. Исчезает в пучине. Проваливается в бездну, в океан из пивных и водочных бутылок, банок, упаковок. Жуткое и захватывающее зрелище, проиллюстрированное в конце словами о сотнях тысяч ежегодно погибающих от пристрастия к “зелёному змию”...

— Я пришла вам эти ролики, — сказал на прощание своим гостям настоятель обители.

— А я начну с сентября кампанию в прессе!

— Ну, что ж, вот и договорились! Удачно съездили. В ближайшее время откроем новую организацию — “Трезвое дело”! — подвёл итог “встречи в верхах” Рюриков.

И добавил жёстко:

— Мы будем дёгтем метить те ворота и двери, за которыми будут продавать палёную водку, особенно молодёжи!

* * *

А началась эта история несколькими месяцами раньше.

Сначала, как водится, пошли слухи. А на Руси слухи — самый точный и достоверный источник информации.

Слухи были такие.

Мол, прежний губернатор выходит в отставку, так как высшие власти не хотят продлевать ему срок полномочий.

Как обычно, чиновный люд взволновался! Кто будет хозяином области? К кому бежать? Кому кланяться? Кому присягать на верность?

В общем, гадали недолго. Слухи начали фокусироваться на одной фигуре — на московском госте.

Якобы один большой московский государственный человек не угодил “самому”. И теперь его ждёт “дальняя дорога” и славный город Ч.

Через некоторое время из столицы прибыл небритый морщинистый человек по фамилии Хмельёв. И стал рыскать по области. Разузнавать разные разности. Выпытывать всякую всячину. Вникать в тонкости и хитросплетения местной политики.

Народ зашептался: “Изучает обстановку”.

Покрутившись и побеседовав с разными фигурами, посланец отбыл вос-
вояси.

Прошла пара месяцев. И в область приехал сам. Поселился в санато-
рии недалеко от города. И стал оттуда наезжать на работу. Набирать себе
команду.

Неожиданно для всех в ней оказалась и Марина Сорокаумова — депу-
тат, продвинутый издательской группой Дубравина. Пришлась, видно, по ду-
ше бывшая комсомольская деваха. Бойкая, речистая, сердцем чистая.

В этот самый период Дубравин, занятый “Русским вопросом”, решил,
что неплохо было бы встретиться и “поручкаться” с Рюриковым.

Встреча состоялась. И оказалось, что у них похожие взгляды, привыч-
ки, видение обстановки. И вообще, они люди, что называется, “одной кро-
ви”.

Дубравин рассказал свою историю появления в этих краях. Устройство
местной жизни. Посетовал на то, что “по большому счёту, не с кем погово-
рить”.

Свела их не только взаимная симпатия, но и идея, которая давно бро-
дила у обоих в голове. Она была проста, как “колумбово яйцо”. И заключа-
лась в том, что для спасения русских нужно произвести их отрезвление.

И вот теперь в столице идея обрела окончательную форму. Власть в ли-
це губернатора Рюрика, Церковь, представленная игуменом Фотием, и ме-
диа с Дубравиным во главе решили попробовать изменить отношение наро-
да к пьянке.

А для этого к народу надо с чем-то выйти.

III

В сельском клубе не протолкнуться. Заняты все места. Мужики в тяжё-
лых куртках и сапогах. Мнут в руках шапки. Краснолицые — то ли от мо-
роза, то ли от принятых “на грудь” двухсот граммов. Сидят, перешёптыва-
ются. Похохатывают.

Женщины неопределённого возраста. В тяжёлых пальто и куртках. Ли-
ца усталые, угасшие.

Молодняк — в первых рядах. Юные цветущие девчонки с румянцем во
всю щеку. Неловкие парни, неоперившиеся, холостые — жмутся по углам.

И пока глава района, хитроглазый Чигиков, представляет его, Дубравин
думает о том, чем можно пронять народ. Аудитория трудная. Деревня — од-
но слово.

Наконец, Чигиков торжественно провозглашает:

— Президент организации “Трезвое дело” Александр Дубравин! — и са-
дится на своё место.

Дубравин прилаживает чёрный микрофон поудобнее. И без долгих око-
личностей, что называется, берёт быка за рога:

— Я сам из деревни! — размеренно, но с такой силой и чувством гово-
рит он, что зал, до этого шелестевший, сразу притихает. Видят, что этот —
свой. — И из семьи, где пили. Брат мой Иван, здоровенный мужик двухме-
трового роста, умер в возрасте пятидесяти четырех лет! Угорел от водки.
Брат умер. Пусть земля ему будет пухом! — он помолчал. — Но что я об-
наружил, когда приехал его хоронить? Я обнаружил племянников, его сы-
новей, которые пошли по той же стёжке-дорожке. На следующий день по-
сле похорон увидел: племянник Серёга сидит с молодыми друзьями на
том же самом месте под гаражами, на котором начинал свои посиделки
Иван! И там же распивает. Значит, история повторяется? Значит, всё идёт
по кругу? Так вот, я оставил всё и потому пришёл к вам, чтобы мы все вме-
сте, наконец, разорвали этот порочный круг.

Дубравин сделал паузу и продолжил:

— Что говорить о людях пьющих, тех, кто уже втянулся в это дело? Бог
им судья! Они уже свою судьбу определили. Я сегодня говорю о молодёжи,
о тех, кто только вступает в жизнь. Вот их мы должны спасти, оградить от

водки, научить жить в трезвости. А иначе так и будем вымирать! Вы посмотрите, что творится с мужиками! Когда я оканчивал школу, нас в выпускном классе было двадцать восемь человек. А сейчас осталось только двенадцать. Остальные уже умерли. Отчего? Да понятное дело — от чего. От пьянки! Так давайте же вместе остановим эту эпидемию, этот мор! Мы — северная страна. Такая же, как Финляндия, Норвегия, Швеция. И вы думаете, они не пьют? Пьют. И ещё как! Но там давно поняли, что так дело не пойдёт. И приняли соответствующие ограничительные меры. И поверьте — не зря! Если у нас средняя продолжительность жизни мужика пятьдесят девять лет, то у них — семьдесят три. И это не предел. Поэтому и нам надо сделать так, чтобы молодёжь нашла себе другие занятия. А не сидела, как их деды и отцы, пропивая свою жизнь под гаражами!

По тому, как закивали головами женщины, как опустили глаза мужчины, он понял, что попал в больное место. Все они думают о судьбе своих детей. О том будущем, которое ожидает их. И все они, как и он сам, понимают, что так жить и так пить, как пьют сегодня, нельзя.

* * *

Уже несколько месяцев он посвящал своё время и свои силы этому, казалось бы, безнадежному делу — заставить людей задуматься, изменить свои взгляды на пьяные застолья. Сделать то, что пошло прахом в середине восьмидесятых.

Начали с организации. Губернатор собрал форум, на котором присутствовали все, включая полицию, прокуратуру, здравоохранение, образование. В общем, каждой твари по паре. Разработали программу. Дубравина избрали президентом.

И пошло-поехало. Народ оживился. Открыли “горячую линию”, на которую стали звонить неравнодушные граждане, возмущённые подпольной торговлей палёной водкой. Подтянулись молодые волонтеры. Начали проводить фестивали, конкурсы, концерты на тему трезвого образа жизни. Дубравинские каратисты двинулись по городам и весям показывать деревенской молодёжи чудеса восточных единоборств. Другие неравнодушные “большие” люди стали проводить спортивные турниры, устраивать во дворах спортплощадки.

Дубравин знал: можно делать всё, что угодно и где угодно, но если об этих делах не пишет пресса, не трещит телевидение, то их как бы и нет вовсе. Поэтому он жёстко следил за тем, чтобы любое мероприятие сразу же освещалось на телевидении и в газетах.

Он давно понял, что народ нуждается в примере. И если идея здравая, то её подхватят. Ведь так уже было. Те идеи, которые он высказывал в телевизионном проекте “Русский вопрос”, который вёл много лет, всё-таки воплотились в дела. Сначала они попали в программу так называемой Партии жизни. А потом переключались в тезисы “Главной партии”. И, в конце концов, их озвучил “преемник”.

Так и теперь, на встрече. Идея трезвости молодёжи постепенно овладевала сельской массой, собравшейся в клубе. А он продолжал:

— Был я в Норвегии. Изучал их нравы. И очень удивился. Страна — как картинка с туристического буклета. Но имеет некоторые особенности. Нет там, например, придорожного общепита, где вам нальют или продадут спиртное. Алкоголь продаётся в городе и только в одном специализированном магазине. А цены заоблачные...

В общем, пронял он селян своим рассказом. Долго благодарили. Но уезжал он с той встречи всё равно задумчивым. Потому что сколько ни говори халва-халва — во рту слаще не станет. И простые сельские люди популярно объяснили ему, в чём дело:

— Валька-магазинщица, — торопливо толковала ему бабуля с трясущейся головой и слезящимися глазами, — с ранья открывает свою лавку. И наши алкаши к семи уже подтягиваются. Надо бы ей запретить торговать. А никто не может. К кому только не обращались!..

— Ученики идут в школу, по пути берут эти энергетические баночки, — говорила озабоченно сельская учительница. — А этому киоскёру наплевать! Бесстыжая морда!

Дубравин и сам замечал, что при всей его бурной деятельности “пар уходит в свисток”. Сотни мероприятий проведены. Встречи, беседы, статьи. Люди вроде бы всё понимают. А меняться — ничего не меняется. “Вот опять начальник милиции прислал письмо с приветом: “Десять торговцев оштрафовали на пятьсот рублей. Кого-то пожурили...” “Эх, да разве это меры? Шуму много. А дела с гулькин нос. Почему? Да потому что нет законов, по которым можно было бы серьёзно вдарить по водочной мафии. Вон, в одной Кабарде двадцать два водочных завода! Да в Осетии. И не остановить этот поток, идущий в центральную Россию. Нужно, чтобы вся государственная машина озаботилась. Но там желающих прижать бутлегеров нету. И что делать в таком случае? Мы тут пыхтим, стараемся изо всех сил. А толку чуть. Такое ощущение, будто упёрлись в стенку”, — размышлял Александр.

* * *

В офисе на работе он взялся читать отчёт любопытной молодёжной организации под названием “Папа, не пей!” Но тут на пороге его кабинета появилась помощница. Подтянутая, полногрудая молодая женщина Наина. Работает она с ним ещё с тех времён, когда он баллотировался в Думу. Приглянулась тем, что ведёт дела чётко, аккуратно, собранно.

— Ну, ты с чем? — оторвавшись от отчёта, спросил Дубравин.

— Александр Алексеевич! Есть потрясающая идея!

— Какая?

— Наши волонтеры будут менять сигареты на цветы!

— Это как?

— А мы уже пробовали! Представляете, идёт парочка. Наши в фартучках “Трезвое дело” подходят с букетом цветов и предлагают: “Молодой человек! Не хотите ли подарить своей девушке цветок?” А кто же не хочет? Наши ему: “Тогда давайте меняться! Мы вам цветок — а вы нам свои сигареты!”

— И отдают?

— Ещё как! Мы насобирали уже полмешка. Завтра будем их сжигать на телекамеру. И покажем в новостях.

Дубравин оживился:

— Молодцы! Прёт инициатива снизу. А от меня что надо?

— Денег на цветы!

— Сколько?

Когда она вышла с деньгами, он вспомнил свой прежний поход в законодательную власть. И понял, что это знак:

— В Думу надо идти! Самому инициировать законы против пьянки. Идти с этой программой. И добиваться её реализации. По-другому ничего не получится! В этом сегодня правда! А где правда, там и сила!

IV

Дуня собиралась в школу. И хотела надеть розовые туфли к серенькой школьной форме. Увидев дочку в таком “прикиде”, Людмила сначала слегка опешила, а потом по этому поводу весьма категорично высказалась. Двенадцатилетняя Дуня, рослая круглолицая блондинка с голубыми глазами, и похожая, и непохожая на саму Людку в молодости, психанула и, хлопнув дверью в своей комнате, заявила, что в таком случае в школу вообще не пойдёт. Телом — девушка, душой — ребёнок, она задаёт сейчас матери столько вопросов, что у Крыловой периодически пропадает дар речи. И голова идёт кругом. Новое поколение с его странными, с точки зрения старших, воззрениями на жизнь, приходит в этот мир, ничуть не отягощённое комплексами советского человека, которые несут через года их родители. Для них

сытая, комфортная жизнь — не награда за годы бедствий, труда и борьбы, а данная реальность. И Людмила, глядя на дочь, частенько ловит себя на мысли: “А что будет, если эта с таким трудом налаженная и устроенная жизнь в один прекрасный момент рухнет? Смогут ли эти дети, выросшие в беззаботной обстановке более-менее сытого нефтяного благополучия, выдержать такой удар?”

Мир вокруг стремительно меняется — гаджеты, интернет, автомобили как-то незаметно вошли в их быт. И жизнь без них уже представляется невозможной.

Вот и сейчас, провожая дочку в школу, Людка напоминает Дуняше:

— Не забудь взять айфон! А то вчера оставила в машине. А я беспокоилась.

Без связи — никуда. Как только ребёнок войдёт в школьную дверь, на телефон Крыловой придёт СМС-сообщение. И если выйдет из здания, электроника скажет ей об этом.

Ну вот, всех выпроводила. Дубравин — тот уехал ещё раньше. Ему сегодня надо в областную Думу. На заседание комитета. Теперь можно посидеть. Выпить кофейку с сыром. Побаловать себя. Подумать о чем-то приятном. Даже как-то взгрустнуть, вспоминая первые годы совместной жизни.

Кажется, встретились они только вчера. А уже неумолимое время отчитало дюжину лет. Чего только не было за эти годы! Такая любовь, пронесённая через всю жизнь, обещала, что всё будет без “сучка и задоринки”. А нет! Они знали друг друга со школы, Дубравин был её первой любовью, но по-настоящему сошлись они уже взрослыми самостоятельными людьми, прошедшими до этого большой и тернистый путь в тяжёлое время. И на этом пути было много всего. Хорошего и плохого. Так что “притирка” шла непросто. И трудно ей было найти своё место в этой новой жизни.

Конечно, первое время, пока дочка была маленькой, она полностью отдавала себя её воспитанию. А потом Дуня пошла в сад, в школу. Начались вопросы. И главный из них — куда себя деть?

До этого она выживала сама. И поэтому приходилось крутиться. Теперь за выживание семьи отвечал муж. Но эта новая роль — роль домохозяйки, матери — была ей явно узка.

Наверное, понимал это и Дубравин. Но поначалу не придавал значения. Рассуждал в своём мужском эгоизме просто: “Деньги есть, ребёнок есть. Живи да радуйся. Чего ещё надо?” Это чуть позднее, когда появились проблемы, начал задумываться. А всё ли так хорошо, как ему кажется? Ведь Людка, может быть, не удовлетворена такой жизнью “в золотой клетке”. Это с одной стороны. А с другой — помнил опыт предыдущей семейной жизни, когда жена ничем не интересовалась, и считал это нормой.

А Людмила интересовалась. Ещё как интересовалась! Знала: хочешь остаться любимой, надо быть нужной. Ненужная женщина так же, как и ненужная вещь, обременяет.

Началась её борьба за самостоятельность. Чтобы не раствориться полностью в муже, а тоже иметь какое-то своё дело, свой угол, свои интересы. Но в его жизни.

И к счастью, в обширной деятельности Дубравина такое место нашлось. Уже много лет он вёл на телевидении собственную передачу, периодически меняя её формат. Сначала он был просветительский. “Русский вопрос” рассказывал русскому народу о нём самом. Кто такие русские? Откуда они произошли? Какое место занимают в мире? Их отношения с другими народами. И многое другое.

По мере того как менялась обстановка, происходили перемены и в содержании. Оно стало острым, публицистичным. Во время активной фазы кампании за трезвость молодёжи “Русский вопрос” был настоящим “застрельщиком” этого дела.

Боролась и с игровыми автоматами. Курением. Нецензурщиной.

Прошло время, и Дубравин опять сменил формат. Передача стала рассказывать о культуре, быте народа, обычаях и других интересных вещах. Вот этим и занялась Людмила. Как человек, проработавший всю жизнь на

телевидении, она с интересом взялась за дело и постепенно “въехала в тему”. Дубравин поощрял ее. Но боялся, что она может пуститься по стопам Галины Озеровой, которая запряглась, как конь, и тянет лямку за всех. За себя и “за того парня”. Но Крыловой нужен был какой-то средний вариант. Чтобы и в семье всё было в порядке, и в деле реализоваться.

Она попила кофейку и стала собираться.

В ванной, накладывая макияж, она с удовольствием заметила, что выглядит моложе своих лет. Это хорошо, что рядом с работой находится фитнес-клуб. И два-три раза в неделю она оказывается в умелых руках массажиста. Но возраст всё равно чувствуется. В налитых бёдрах. В округлости щёк. И в постепенно набирающей размер груди. Она с годами всё больше становится похожей на настоящую падмини — женщину-шик по древней индийской классификации. И ещё одно заметно. Раньше её красота была дерзкой, вызывающей. А теперь в ней есть какое-то спокойствие, мудрость, проверенность временем и терпением. Проступает внутренняя сила. Духовная сила.

Давно уже её отношения с Марьей Степановной Бобриной, её первым духовным гуру, переросли в дружеские. Мастер рейки, Бобриня продолжает заниматься руколечением, сплетает японское искусство рейки с Православием и стала превращаться одновременно в бизнес-вумен, гадалку и ясновидящую.

А вот Людмила от рейки ушла. Во-первых, у неё нет времени. А во-вторых, ей кажется, что это дело не даёт ей чего-то нужного для дальнейшего роста.

Внешне она живёт спокойно. Но непрестанный внутренний поиск заставляет её штудировать множество самой разнообразной эзотерической литературы. И её пока не удовлетворяет ни одно из тех многочисленных учений, с которыми она знакомится. Пробовала заняться хатха-йогой, йогой тела, но ей скоро наскучили бесконечные нудные асаны. Пыталась повторять аффирмации — изменять установки сознания по методу Луизы Хей — и разочаровалась. Одно время её увлекала дианетика Рона Хаббарда. Но люди, с которыми она столкнулась на этом пути очищения сознания с помощью так называемых одитингов, и вовсе не внушили ей доверия...

И недавно Людка подружилась с женщиной, разделявшей её поиски с точки зрения науки. Новую подругу звали Мария Бархатова. Она была сотрудницей Санкт-Петербургского Музея истории религии.

Так что Людкины духовные поиски не закончились совсем, а приостановились на распутье — между религией, эзотерикой и наукой. Как у того богатыря из сказки: “Налево пойдёшь — коня потеряешь... Направо... Прямо...” И она колебалась, чувствуя, что где-то рядом находится самый нужный именно для её природы путь. “Только вот где?” — часто думала Людка, открывая по вечерам очередное сочинение по новой методике жизни. И читаяopus некой вспыхнувшей на горизонте “звезды”, какого-нибудь Петрова-Козлова-Свиаша, она думала про себя: “Все вроде так. Но я знаю, что все настоящее делается просто. И где-то должен быть “ключ” к внутренней гармонии”.

Наконец, она собралась и вышла на улицу, где стоял её симпатичный новый “Лексус”.

С машинами была целая история. Начинала она ездить на “Ниве”. Дубравин объяснил ситуацию просто: “Не жалко, если ударишь!” Ну, а потом, когда уже выучилась, по очереди пересаживалась с “Киа” на “Хонду”, затем на “Мазду” и вот теперь ездит на “Лексусе”. Хорошая, комфортная машина. После полуспортивной “Мазды” идёт мягко. Дорогу держит. И полна всяких разных штучек, которые делают езду очень комфортной.

* * *

На четвёртом этаже в большом зале, где раньше размещалась газетная вёрстка, построена студия и размещено оборудование. Тут и расположилась она со своим монтажёром и оператором одновременно. Зовут этого малого

Сергей. Несмотря на свой простоватый вид, парень интеллигентный, а самое главное — классный специалист, профессионал. Умеет работать и с камерой, и с компьютером. Знает, как выстроить кадр и сюжет.

Третий в их группе — водитель Петрович, человек тихий и безотказный. Готов ехать когда угодно и куда угодно.

Сегодня у них съёмка. Людка быстро поднимается на этаж, где уже сидят её шустрые помощники. Делает пару звонков. И командует: “На выход!”

Дело не ждёт. А ждёт их заведующая этнографическим музеем, в котором есть замечательная действующая русская печь-матушка. И рассказ о ней кажется Людке Крыловой чрезвычайно интересным.

На заре своей телевизионной карьеры она безоговорочно верила тем гуру, которые когда-то посветили её в профессию. Верила в рейтинги, в необходимость искать “жареные” факты. Снимать такое, отчего бы люди ужасались и переживали. Но потом, когда она переехала в провинцию, внимательнее присмотрелась к жизни, ей стала очевидна масса вещей, которые уже давным-давно проповедовал Дубравин. Она стала ясно понимать, что нашему народу не нужна вся та шелуха, которой его пичкает “зомбоящик”. Что весь этот “мусор” из каких-то звезд, скандалов и сплетен абсолютно бесполезен для людей. Это пена, которая даёт рейтинг. А рейтинг — он, как “мёртвая вода” в сказках. Не оживляет народ, которому нужно другое. Найти себя. Свои корни.

* * *

Автомобиль “Логан” с синей табличкой “Телевидение” на лобовом стекле остановился у небольшого старинного здания. На его парадной двери красовалась надпись: “Музей этнографии”.

Они дружно вывалились на улицу со своими камерами, кофрами, штативами, светильниками и переходниками. Прямо на пороге дорогих “мастеров телевизионных искусств” встретила молодая румяная женщина с озорными глазами, одетая так, как одевались в деревнях лет сто тому назад, то есть в расшитый сарафан, цветастый платок, ленты и монисты. Она живо представилась:

— Паулина Петровна, старший научный сотрудник. И ваш гид на сегодня!

Людка смотрела на её раскрасневшиеся щеки, крепкую грудь, и ей самой захотелось быть вот такой хозяйшкой-хлопотуньей.

Но мечтать было некогда. Надо было браться за дело.

Договорились быстро: снимать будем вживую, в процессе. Нынче это модно, когда журналист сам пробует печь хлеб, ковать железо, запрягать лошадей или “бить баклуши”.

И вот уже друженько улеглись в поддувало поленья. Разгорелась, шурша и чуть коптя, береста. Пять минут — и печь загудела.

— Запела! — заметила улыбчивая хозяйка.

Пока печь нагревалась, набиралась жаром, Паулина Петровна, которую так и тянуло назвать тепло, по-домашнему тётей Пашей, пригласила гостей “попить чайку — разогнать тоску” из давно уже поспевшего пузатого медного, начищенного до блеска самовара.

Присели. Хозяйка засыпала в чайник ложечку скрученных зеленых лепестков, залила кипятком. Насытившись водой, развернувшись, листья дали густой аромат хорошей душистой заварки. Струей полился кипяток в разноцветные китайские фарфоровые чашки без ручек — пиалы. В вазочках объявилось на столе варенье разных сортов: вишнёвое, клубничное, черничное и земляничное. Одно слово — пир горой.

И так им хорошо посиделось втроём. И такой интересный раскатился разговор, что Серёга не выдержал и встал из-за стола, начал снимать беседу.

— Мне мама рассказывала, как пекли хлеб в послевоенные годы, — в порыве откровенности говорила Крылова. — Домов люди лишились. Жили в бараке, где у каждой семьи было по комнатке. Поэтому никаких

собственных печей ни у кого не было. Тогда женщины решили, что на пустыре за баракom надо построить одну большую общую печь. На всех. И по очереди ею пользоваться. Так и сделали. Моей маме выпало её топить по пятницам. С утра она ставила тесто. И уже к вечеру хлеб выпекался. Да какой хлеб! Не хлеб, а хлебушко. Настоящий, румяный, с корочкой хрустящей. Она доставала его, смазывала сверху топлёным маслом, заворачивала караваи — круглые булки — в полотенца. И так он остывал. Томился. А потом мы всю неделю его ели. Я тогда совсем мелкой была. Но запах этого хлеба прекрасно помню. И ожидание чуда...

Людка расчувствовалась. И даже раскраснелась от детских воспоминаний.

Мудрая Паулина Петровна внимательно слушала Крылову, не перебивая. Только подливала душистый чай в цветастую пиалу.

— А ещё мама делала так. Когда я простужалась, она вытащит хлеба, выгребет золу, застелет печку изнутри соломой и пустит меня туда — посидеть, погреться. А там такой жар! Такой непередаваемый жар! В минуту пропотеваешь. Вся простуда убегала. Я помню. Так вот лечили, без таблеток. Да и не было их тогда...

Но вот пришло время действовать. Паулина-Паша достала поднявшееся тесто. Замесила его. Обмяла. Заложила в формы... А по ходу дела шёл рассказ:

— Надо дожидаться, когда прогорят дрова. И останутся угли. А пока мы с тобою украсим караваи разными узорами из теста. Пропекутся — будут на хлебе и цветочки, и петушки, и солнышко. Давай, действуй!

Почему бы не попробовать? Крылова взялась за дело. И главное — у неё получалось. Видно, заложено это в генах. В тысячах тысяч поколений русских женщин, что пекли свой хлеб, качали колыбели и пели народные песни.

Загремела металлическая лопата, на которой отправились в огнедышащее жерло формы с батюшкой-хлебom.

— В наших краях, конечно, пекли в основном ржаной. А вот южнее, там предпочитают белый хлебушко. Там мука, что и говорить, лучше, — лился плавный рассказ Паулины-хозяйки. — Печь вообще была центром жизни в избе. На ней обычно спали старики и дети. У каждого было своё место: у кого — на печи, у кого — на полатах, рядом. Зимой возле печи всегда собиралась вся семья. Женщины пряли. Мужики что-нибудь чинили. В печи и парились по банным дням. Раньше, знаешь, какие они огромные были! Ого-го! Два мужика в печь залезали! С тазиками. Это уж потом бани появились. После купания ложились на печь. Чтобы не простужаться... Печь всегда ассоциировалась с женщиной. С женской жизнью. И судьбой. С печью столько обрядов связано...

— Да? — Людке действительно было интересно. И она только успевала задавать вопросы, искренне удивляться и радоваться этим новым знаниям.

— С печи начиналась женская жизнь! — рассказывала дальше Паулина. — Когда приходило время сватать девушку, в доме появлялась сваха. Заходит и начинает прикладывать руки к печи. То есть греть. Это был сигнал. Значит, пришла она с разговором. В ответ девушка, если ей этот разговор нужен, начинала ковырять глину из печи. Так вот, пальчиком. Это сигнал для свахи. Можно начинать выполнять миссию. Сваха заводит свою песню, мол, у вас товар, люди дорогие, а у нас купец! Нахваливает. Если купец девушке был не по душе, то она залезала на печь... Вот так вот дела делались. Деликатно. И не надо было особо ничего говорить... Печь, она была живая. В ней всегда горел огонь. И детей рожали на печи. Считалось, что ребёнок, рождённый на печи, будет обладать здоровьем и благами... Гадали по пламени. Если во время родов хорошо горит, не чадит — значит, всё будет в порядке. Даже у самого нерадивого хозяина всегда у печи лежали сухие поленья. На всякий такой вот случай. По чурбачкам девушки гадали на суженого-ряженого. Закроют глаза. Достают из поленицы полешек. Если толстый, то и муж такой будет. Если корявый — то и...

— Может быть, уже готов хлеб наш насущный? — заметил оператор Серёга, которому, кроме рассказов и басен, были нужны ещё и живые кадры.

— Счас посмотрим! — ответила от печи хозяйка. И загремела заслонкой. — Ах, хорошо подошёл твой хлеб. Поднялся! — сказала она Людке. — Видно, любит тебя мужик твой. Крепко любит!

Людка покраснела, как девушка. А Паулина заметила:

— Минут через пять будем доставать хлебушок-то! — И опять потёк её рассказ:

— За печью в доме жил хозяин избы. Домовой. Ему всегда в уголке тут ставили кашу. Чтобы добрым был. Помогал. Бывает, хозяин уедет на торжище и загуляет. Тогда хозяйка берёт в руки полено и кочергу. Встаёт вот здесь. И просит домового: “Дым-домовой! Верни хозяина домой!” Печь — это было сердце дома. Вокруг неё всё вертелось. Ну, давай доставать будем. Ух, хорош! — подхватывая на противень румяные буханки и караваи, приговаривала Паулина-Паша.

— А дух-то какой! — сказала Людка, отламывая кусок от караваев.

Хлеб удался. Удалась и передача.

Прощались с хозяйкой музея уже как-то по-другому. Душевно, по-родственному. С подаренными Паулиной караваем и булкой вернулись в студию — монтировать, писать авторский текст, искать и накладывать подходящую мелодию. В общем, работать.

Все дни, пока доводили передачу до ума, ломали хлеба, отрезали по кусочку. Ели духовитую мякоть. Наслаждались.

V

“Годы мои немаленькие! — думает Дубравин, доставая градусник из подмышки. — Здоровья уже не прибавляется. Вот и новая напасть. Стал просыпаться среди ночи. И пялиться глазами в темноту... Ого, тридцать восемь. Поэтому и зубит. Надо всё-таки принять таблетку и доспать”.

Проглотил жаропонижающее и снова прилёг в тишине. И поплыл.

Мысли тягучие, вялые. Текут одна за другою медленно-медленно, как облака на сером небе. А потом провал. В небытие. И откуда-то из глубины сознания выталкиваются картины. Прошлого? Будущего? Кто знает?

Горячий липкий туман окутывает его. Маленького мальчика. Он болен. Тело горит. Лихорадит. Бьёт озноб. И нестерпимая дёргающая боль. Нога превратилась в огромную, распухшую огненную сине-красную колоду. Всё плывёт перед мокрыми от слёз глазами. И он тихо постанывает в те моменты, когда пульсирующая боль становится невыносимой... В спальне светлой комнате никого. Только он и дядька Андрей в своей неизменной бело-чёрной морской форменной робе. Красивый, с белым лицом и моржовыми усами.

Он ударился коленом, когда полез на полку за книгой. И теперь второй день лежит на кровати в спальне, украшенной по стенам картинами — “Иван-царевич на сером волке”, “Курочка Ряба”, “Илья Муромец”. Лежит и просит Боженьку о помощи, обратив омытое слезами лицо к киоту, где развешены десятки икон с ликами святых и страстотерпцев. Маменька и папенька заняты. У них приём. Там, внизу, на первом этаже. Неотлучно в доме дежурит чернобородый доктор. Он уже сделал всё, что мог: поставил компрессы, наложил повязки, дал порошки. Но боль не отступает.

“Ну, почему я не такой, как все другие мальчики?” — шепчет он про себя. А вслух просит дядьку:

— Поверни мне ножку!

Тот старательно, пытаясь не причинить новых страданий, перекладывает на подушках этот горящий комок боли. Слышны шаги по лестнице. Снизу поднимается встревоженная мама. Она в белом пышном платье и в ослепительно сверкающих бриллиантах. По комнате разливается запах духов. Но лицо её полно тревоги и страдания.

— Мама, — шепчет он, обнимая её за шею. И вкладывает в это слово всю свою надежду и всю боль, которая терзает его.

— Потерпи, миленький! Потерпи, маленький! — в ответ шепчет она. — Скоро приедет наш друг. Он поможет.

День томительно тянется к вечеру. Тени в окнах удлинняются. В комнате загорается электрический свет.

Наконец, на лестнице снова слышны чьи-то шаги.

На пороге спальни появляется высокий чернородый человек с пронизательными серо-голубыми глазами. Его длинные волосы и неухоженная борода контрастируют с голубой щегольской шелковой рубашкой, заправленной под ремешок, и блестящими высокими сапогами. За ним идет мама с лицом, полным одновременно тревоги и надежды.

— Дорогой мой, маленький! — говорит человек, становясь на колени у его кровати. — Посмотри на Боженьку. Какие у него раночки. Он одно время терпел, а потом так стал силен и всемогущ! Так и с тобой будет!

Чёрный человек, склонившись у кровати, шепчет горячую безыскусную молитву. Потом берёт мальчика на руки... Он чувствует, как его окутывает неизвестно откуда появившаяся тёплая сила... Она качает его, убаюкивает, уносит куда-то далеко-далеко. В небеса. Туда, где летают ангелы, где Боженька... Где живут спускающиеся с иконы на стене спальни Вера, Надежда, Любовь. И мать их София...

Дубравин просыпается, как от толчка. Выплывает из сна, не понимая, кто он. И где он. Ведь сон этот ярче, чем сама жизнь.

А жизнь — вот она. Окружает. Заставляет думать о делах.

Пару минут он ещё пытается бороться. Удержать видения. Но со всех сторон начинают проникать будничные мысли. О работе. О сегодняшнем приёме граждан. И никуда от этого не денешься.

* * *

Посетителей за день было немало. Последними пришли ребята-националисты. Двое. Один такой крепенький, спортивный. А второй, главный, интеллигентный, но видно, что упёртый. Представляют некое объединение с расплывчатыми целями. На следующей неделе в Москве большой митинг. Хотят поехать. Нужны средства.

Дубравину они понравились. А вот руководители этого так называемого “Народного союза” — нет. Он доходчиво объяснил ребятам:

— Движение — это хорошо. И то, что вы выступаете против ювенальной юстиции — тоже здорово. Потому что для России такая юстиция не годится. Даже в Европе эти “детские инспектора” и то беспредельничают. Забирают детей из семьи, чтобы зарабатывать деньги. Люди есть люди, а не ангелы. Если есть структура, значит, она должна оправдывать своё существование, что-то делать. А если есть безграничное право отбирать детей у родителей, почему бы им не воспользоваться? У нас же эта ювенальная юстиция превратится в нечто чудовищное. Только Дума отобрала у наших чиновников возможность торговать детьми из детских домов на экспорт, как они нашли новый источник доходов. И уже, наверняка, потирают руки. Ведь это какой рычаг для выкачивания денег! Какие возможности для шантажа бедных родителей. Если что не так — отберём ребёнка! Да любой при такой ситуации выложит сколько угодно, чтобы сына или дочку оставили дома! От ювенальной юстиции пойдёт такая коррупция, что нам и не снилось. Вы думаете, чиновники о детях заботятся, требуя её введения? Нет, конечно! О своём брюхе они заботятся! А вам, молодые, активные люди, надо выступить единым фронтом.

Но денег для поездки в Москву всё-таки дал!

Вообще, представление наших людей о возможностях депутатов, в чём он не раз убеждался, странное и искажённое. Им кажется, что депутат — это ого-го! Силища! Скажет! Позвонит! И все их проблемы решатся!

Но на самом деле, если у депутатов нет собственного ресурса, то официальные возможности их весьма ограничены. Что он может сделать? Запрос. Звонок. Визит к начальству. Но сегодня всё в конечном итоге решают только деньги. И Дубравин всю свою депутатскую зарплату и выделяемые фонды, а также часть доходов от бизнеса направляет на решение больших, а чаще всего, маленьких проблем.

Пока идёт приём людей, он записывает их нужды в блокнот. Потом анализирует эти записи. И решает, кому помочь.

До того как стать народным избранником, он частенько удивлялся: люди идут с такими мелочами! Но во время выборов получил и усвоил один важный урок.

Дело было на встрече в каком-то селе. В маленькой сельской больничке. И беседа с персоналом была хорошей. Под конец народ, как обычно, разговорился, стал выкладывать свои проблемы:

— У нас тут бинтов не хватает! Халаты новые не выдают. А старые все износились! — наперебой жаловались сёстры и нянечки.

Ну, Дубравин по ходу дела шепнул сидевшему рядом Алексею Пономаренко: “Тоже мне проблемы! Нашли с чем идти к депутату!”

Но тот не согласился:

— Ты что, Александр! Это нам их проблемы кажутся ничтожными. А для них это очень даже серьёзно!

С тех пор для него маленьких проблем и маленьких людей нет.

Вот и сейчас, выпроводив последних посетителей, он с Олегом принялся читать записи. И решать, кому чем можно помочь.

— Так вот, давай, Олег, будем сортировать. Зачитывай весь список!

— Людмила Петровна Яковлева. Прежний мэр пообещал квартиру. Даже ордер смотровой показали. Потом обманули. Дали ордер в развалюхе.

— Направим запрос новому мэру. Проясним ситуацию до конца. Если надо, заострим дело через печать!

— Галина Михайловна Азарова. Умер брат. Отделил лицевой счет. Нет денег, чтобы платить по счетам. Малоимущая. Говорит: дайте сто тысяч, а то сожгу себя на площади.

— Это та, которая вся расфуфыренная и духами воняла?

— Ну, да!

Дубравин уже много раз сталкивался с тем, что среди просителей немало таких, которые приходят к нему с выражением лица: “Вы мне должны!”

Но он не возмущается. Привык. Поэтому скомандовал Олегу:

— Напиши, что возможности помочь нет.

— Понял!

— Стёпкина Любовь Михайловна. Улица Полевая, дом семь, квартира семь. Дали квартиру в общежитии. Инвалид. После операции. Нет туалета. Просит помочь со строительством...

— А кто там начальник ЖКХ? Чей дом?

— Некто Брузанин.

— Давай обратимся к нему!

— Попробуем! Но сомнительно.

— За спрос не ударят в нос!

— Щеншина Тамара Васильевна. Десять лет мучается с соседями. На седьмом этаже, а она живёт на шестом, расположенная какой-то суррогатный цех. Разливают водку палёную. Гулянки, пьянки. Пьют вместе с милицией. Она уже все инстанции прошла... Помощи нет. Боится расправы.

— А мы чем можем помочь? Может, она стучит краски?

— Направим запрос в прокуратуру!

— Ну, давай попробуем.

— Наши старые знакомые — детский ансамбль “Родничок”. Просят денег для поездки на фестиваль.

— Дадим!

— Из фонда?

— Из личных средств.

У Дубравина по зрелом размышлении установился некий порядок в благотворительности. Просителей много. А денег мало. В первую очередь, он старается помогать детям. Потому что их судьба ещё не написана. И глядишь, с его помощью они обретут что-то новое. Что касается старших возрастов, то тут дело сложнее. Он спрашивает просителя, есть ли у него семья? Дети? Почему они не помогают? И чаще всего слышит один и тот же рассказ о том, что дети бессовестные уехали, нас бросили. Или ещё более того.

Мы с ними разругались. А то и вовсе: “Да что дети! У них своя семья. Своя жизнь!”

И тогда он понимает, что не всё ладно с этим человеком. Что он сам заработал такую свою судьбу. Одинокую и печальную. В таком случае единовременная его помощь вряд ли что-то изменит.

Вот и сейчас он понимает, кому из длинного списка просителей надо помогать, а кому поможет только Бог.

* * *

Особая статья — лоббирование.

Дубравин передал управление делами в руки своих сподвижников. Они уже выросли в крупных руководителях. Чернозёмов с его подачи стал даже депутатом районного совета. Уважаемым в издательском деле специалистом. Да и другие, что называется, подтянулись. Галя Калужская развернулась в своём небольшом по меркам страны городе, как дай Бог каждому. Распространитель Тимашёв тоже стал на крыло. Возит прессу в десяток областей.

Подросла и молодёжь. Павел Корнев управляется сразу с двумя предприятиями. Серёга Читков взял на себя издание “Молодёжки” почти во всем центральном регионе.

Ветераны, что называется, не стареют душой. Директор типографии полковник в отставке Александр Павлович прямо ожил на новом месте, поднял производство с нуля. Радуют они все его своими успехами. Но иногда всё равно приходится вмешиваться. Как сейчас.

Несколько дней назад пришёл Тимашёв. Принёс плохие вести. После выборов нового-старого президента началась какая-то вакханалия. По всей стране местные власти принялись рубить сук, на котором сидят: уничтожать киосковые сети, в которых продаются газеты и журналы.

Они словно в одночасье забыли о том, что именно традиционная пресса позволила выиграть выборы. И не будь её, интернет-стихия размазала бы кандидата от партии власти, раскатала бы по брёвнышкам его программу.

Дошла волна и до их мест. Мэр, которого с утра до вечера долбили газеты холдинга, принялся проявлять неуместное усердие. Тоже решил “упорядочить” торговлю периодикой.

Пришлось огрызаться.

Издатели собрали большой “курултай” в городе Ч., на который съехались серьёзные люди из столицы нашей Родины города-героя Москвы и окрестностей — от Владивостока до Смоленска. Народ собрался на серьёзный разговор. А из мэрии, которой этот разговор больше всего и касался, никто не изволил прийти.

С ним это редко, но бывает. Дубравин сорвался. И голосом, звенящим от ярости, высказался по этому поводу:

— Мочить надо! Они уже забыли, кто принёс им победу! В соседней области тоже так было. Но когда газеты начали бучу, они задумались!

Ну, и так далее. Причём в выражениях не стеснялся.

Конечно, “добрые люди” тут же побежали донести “нехорошие слова” Петру Андреевичу. Но номер не прошёл. “Сам” затребовал запись речи. Принесли. Послушали. И губернатор так ввалил “добрым людям”, что у них надолго отпала охота наушничать.

В общем, едва Дубравин отбил — тут новая напасть. Больше десяти лет поставлял Тимашёв прессу в государственную сеть. А тут вдруг от его услуг отказались. И передали поставки конкурентам. Конечно, в отрасли все знают друг друга досконально. И конкуренты эти известны своими методами работы. Их основным аргументом во всех переговорах является “барашек в бумажке”. Взятка наличными.

— Мои попытки выяснить, почему с нами так поступили, — рассказывал Дубравину молодой директор, — ни к чему не привели. Я знаю Степаныча много лет. У нас с ним доверительные отношения. Но сейчас он ушёл в глухую несознанку. На все мои расспросы отвечает, что ему дали такие

выгодные условия поставки, что он решил перейти к ним. Это, конечно, является полной ложью. Выгоднее условий, чем у нас, ему никто дать не сможет.

В России бизнес — это война без правил и пощады. Дубравин сразу понял, что дело здесь нечисто. Многолетний опыт ему подсказывал: конкуренты дали большую взятку. И директор рискнул, пошёл на эту авантюру. Вопрос только в одном: на какой уровень они “занесли”. Вряд ли самому Степаньчу. Он слишком мелкая сошка, чтобы нарываться на скандал. Значит — выше. Либо заместителю начальника управления, либо “самому”.

В понимании Дубравина, большая часть нашего чиновничества вышла из гоголевской “Шинели”. Но сейчас эти Акакии Акакиевичи, так называемые “маленькие люди”, выросли, отъелись и превратились в монстров. Это не значит, что среди них нет нормальных людей. Таких он знал множество. Они тянут свою лямку, стараются, что-то делают. Но есть среди них и такие, которых Александр делит на виды и подвиды. Это “упыри”, “вурдалаки”, “гоблины”, “вампиры” и “оборотни”.

“Оборотни в погонах” — известный широкой публике бренд. Это в массе своей силовики различных ведомств. Чаще всего они “крышуют” — охраняют чужой бизнес.

А вот “вампиры” заняли место “братков” из лихих девяностых и обложили данью тех, кого смогли. “Сосут кровь” потихоньку.

“Вурдалаки” отличаются тем, что не стесняются ничего: рвут куски чужого бизнеса, участвуя в рэкрете. И, урча, пожирают жертву.

Поэтому, явившись в приёмную начальника и дожидаясь хозяина, Дубравин пытался понять, с кем он имеет дело в данном случае. И попутно размышлял о том, какое влияние на наше чиновничество оказало монголо-татарское иго...

“Не от Византии и Третьего Рима ведут они свою родословную. А от ханских баскаков, так называемых бесерменов, наводивших ужас на жителей покорённой Руси. Поэтому и привычки, и манеры у них соответствующие. Никогда не утруждают себя такими понятиями, как точность. Чиновник изначально “велик” и всегда “занят”. Необязательность — это их нормальное состояние”.

Но вот по коридору словно пронёсся шорох. Задвигался, зашевелился рассекаемый воздух. И в дверях приёмной появился её хозяин. Увидев его, Дубравин непроизвольно подумал: “Неужели упырь?”

Упыри — самая тяжёлая категория. Эти делают вид, что с утра до вечера радеют за дело. И их главная черта — постоянное и неизменное лицемерие. Кроме того, основной жизненный принцип прост до чрезвычайности — какое бы дело ни попадало к нему, какую бы бумагу он ни подписывал, первая его мысль: “А что с этого можно поиметь мне лично?”

Все опасения Дубравина полностью подтвердились во время разговора. По лицу начальника было видно, что он с огромной радостью послал бы депутатишку туда, куда Макар телят не гонял. Но так как перед ним “человек из команды”, то приходилось терпеть, юлить и рассказывать сказки.

Он, явно показно, позвал своего заместителя. И тот незамедлительно явился с самым сокрушённым видом. Они некоторое время разыгрывали перед Дубравиным комедию в стиле “я начальник — ты дурак”. В конце главный строго пообещал разобраться в ситуации и наказать виновных. Из кабинета Дубравин вышел полностью убежденный, что все они участвуют в деле. И куш, конечно, получили немалый.

“И что делать с этим “крапивным семенем”? Его сколько ни пропалывай, а оно всё равно растёт! Губернатор уж вроде всех поменял. Но и новые берутся за старые делишки. В крови у них, что ли это? — крутилось в голове Александра. — Хотя, впрочем, в истории есть примеры, когда императоры и цари находили на них управу. Вот Иосиф Виссарионович — тот действовал террором. И у него аппарат работал. Конечно, не за совесть, а за страх. Но работал. Или взять Мао Цзэдуна. Тому пришлось этот аппарат просто разгромить, разнести во время культурной революции по камешкам. Так сказать, расчистить место для реформ. И уж Дэн Сяопин начал Китай успешно реформировать. Китайцы понимают, что на бюрократическую государственную

машину можно воздействовать только террором. И у них успех налицо. А у нас? А у нас, как в той басне: “А Васька слушает, да ест”. История, понимаешь! Аппарат, понимаешь! Без него никуда. Но и с ним Россия никуда не идёт и не пойдёт. Какие бы там наверху магические заклинания ни говорили. Хорошо, хоть губернатор — человек! Настоящий человек. Но и ему в одиночку с этим “крапивным семенем” не справиться!”

VI

Его тюнингованный чёрный “Мерседес” бесшумно проскользнул в открытые ворота усадьбы и въехал на территорию. Дубравин с заднего сиденья привычно отметил про себя опрятность и вежливость дежурного полицейского в новенькой форме. И стал разглядывать открывающийся из окон машины парк: аккуратно подстриженный кустарник, зелёные лужайки, красивая, с позолоченными куполами церковь.

“Мерседес”, ведомый твёрдой рукой бывшего разведчика-десантника Виктора Палахова, въехал на просторную стоянку, где уже стояло несколько дорогих блестящих иномарок.

Когда-то здесь, вдали от городского шума, в лесном массиве, на берегу притока большой речки стояла усадьба. Дворян выжили, но коммунисты оказались тоже не дураки. Устроили в этом чудном месте своё “лежбище”. Под названием “Обкомовские дачи”.

В девяносто первом коммунисты “перекрасились” в демократов. И дачи благополучно дожили до наших дней. Хотя сильно обветшали и пришли в полный упадок.

Милиционеры на воротах стали пускать на эту закрытую территорию кого попало. И уже пошли разговоры о том, что надо бы отнять у номенклатуры эту зону и богатеям построить свои дома. Но этого не случилось. Пришёл новый губернатор. Из центра. И в Заречном началась новая жизнь. Закипели реставрационные работы — восстановление по старинным чертежам дореволюционной дворянской усадьбы. С храмом, домом, гостиницей и прочими прелестями современной жизни.

Восстановленная усадьба стала местом сбора новой губернской элиты, которую Рюриков решил объединить в общественной организации под названием “Первые”.

Дубравин как раз и приехал на очередное заседание этого клуба.

Не торопясь и любуясь зелёными лужайками, шагает он к месту сбора — красивому бело-розовому зданию с площадкой перед входом. Вдоль засаженного деревьями берега речки, где он проходит, стоят несколько вполне современных коттеджей. Это элитная гостиница.

“Всё-таки наше представление о красоте и комфорте не подвластно времени и моде. Так же, как и наши предки, мы строим усадьбы на берегах рек, сажаем вокруг них сады и парки. Из века в век”.

Массивная дубовая дверь не заперта. И он, толкнув её, оказался в аккуратной прихожей.

Откуда-то сбоку, из смежной залы по паркету скользнул ему навстречу стройный темноволосый человек в чёрном строгом костюме с явной офицерской выправкой. Это главный распорядитель приёмов. Приветливо поздоровался:

— Здравствуйте, Александр Алексеевич! Ваши внизу, в соседнем зале.

“Ваши” — это комитет по организации празднования Дня российского предпринимательства.

Дубравин проходит пару залов. Во внутренних помещениях, конечно, уже не было возможности восстановить всё, как было до революции. Но видно, что реставраторы старались: собрали здесь старинные предметы, мебель, гравюры. Конечно, это не жилая усадьба. Это дом приёмов. Но живой дом. Дышащий, тёплый.

Как ни странно, в комнате, где они обычно собираются, ещё никого нет. И Дубравин, пока народ где-то прохлаждается, принимается разглядывать

развешанные на стенах портреты тех, кто когда-то жил в этих краях, участвовал в великих войнах, любил, страдал и боролся. Кроме портретов, на стене висит гравюра с генеалогическим древом местных дворян. Дубравин с интересом рассматривает “густые ветви”, от каждой из которых идёт по пять-шесть “побегов”.

Рассмотрев гравюру, он заглядывает в соседнюю комнату, которая, по видимому, когда-то была то ли гладильной, то ли буфетной. Здесь лежат и стоят немногочисленные, но характерные предметы быта того времени: утюги, кастрюли, поварёшки, посуда, комоды.

Пока он любуется причудливым кокошником хозяйки этого царства, в соседней комнате раздаются оживлённые голоса. Собрались на заседание члены комитета по организации празднования Дня российского предпринимательства. Возглавляет их молодая миловидная женщина — владелица аптечной сети и многодетная мать.

“Нынешние женщины более активны в общественных делах, чем мужчины. Раньше сидели себе, занимались своим маленьким бизнесом, рожали детей. А тут вот взялись и хотят играть ведущую роль. Одно слово — феномен века”, — размышляет Дубравин.

Дело идёт быстро. Мужское жюри согласно кивает на все предложения председателя, видимо, действуя по принципу “чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало”.

Эта мысль как бы защищает достоинство мужчин, великодушно дающих дамам возможность участвовать в делах. Заседание напоминает Дубравину школу, где девочки более успешны, активны, лучше учатся, но в конце концов, остаются в жизни на вторых ролях.

Рядом в зале слышны новые голоса. По зелёным дорожкам парка, мимо цветочных клумб и декоративных растений, сходятся в просторный холл особняка разные люди. В массе своей хорошо одетые в дорогие и строгие костюмы. Но без галстуков. Таков устав общества — приходиться сюда, в клуб, без этого аксессуара.

Слышны чьи-то восклицания. Видны рукопожатия. Иногда объятия. Дубравин, который ещё не стал здесь “своим”, многих не знает. Но всё равно приветливо здоровается со всеми. Это люди одной крови с ним. Те, на чьих плечах, собственно говоря, и держится сейчас страна.

Они, конечно, “не сахар”. Многие со сложным характером. И все с непростой биографией. Но их объединяет одно: они обладают повышенной энергетикой, так называемой пассионарностью, которая и позволяет им работать в новой России.

С некоторыми из них он знаком по общим делам. С другими заседает в Думе.

Вот на пороге появляется молодой подтянутый человек с подвижным нахмуренным лицом. Евгений Махин начал свой бизнес с создания сети фитнес-клубов и вырос до крупнейшего в регионе застройщика. Пожимая его тонкую ладонь, Дубравин чувствует его горячий, нервный характер, характер человека, душой болеющего за дело. Его конёк — современный менеджмент.

Следом появляется “сосед” по Думе Иван Лапугин — интеллигентнейший человек, тонкий ценитель прекрасного. Он одновременно директор и владелец завода, на котором производится современное оборудование для газовых и нефтяных месторождений.

А вот ещё интересный типаж — Геннадий Чешуйкин — всегда улыбающийся знаток йоги и восточных практик. Молодой, энергичный предприниматель, занимающийся производством мебели на всю страну.

В дверях появляется вихрасто-кучерявый, очень позитивный немец Штефан Бур. Он приехал в Россию несколько лет назад, начал дело с нескольких коров на личном подворье, а теперь владеет стада в несколько тысяч голов. Кучерявый и румяный Штефан ведёт дело по-немецки аккуратно и педантично. И такой подход даёт очень даже приличный доход.

Входит худощавый, с морщинками на щеках, но живыми и озорными глазами банкир с интереснейшей биографией. Начав трудовую жизнь началь-

ником цеха на механическом заводе, он заканчивает её директором крупнейшего банка.

Как говорится, пути Господни неисповедимы. Особенно в такой стране, как Россия.

Подтягиваются и другие капитаны “бизнес-флота”. “Кабельщик” Михаил Сапожков — добродушный парень с интересным взглядом на мир. Мостостроитель Иванов — молодой мужчина, унаследовавший дело от отца. Владелец гостиничной сети...

Уже перед самым приездом губернатора начинают мелькать в толпе лица, приближенные к высшей власти.

Длинный, смуглый, носатый начальник внутренней политики, известный улыбчивый интриган. Дубравин в первое время пытался выстроить с ним отношения, но вовремя понял, что им не по пути. Следом является его антипод, шумный, весёлый — душа нараспашку — вице-губернатор. Он уже добрых два десятка лет крутится на “орбите власти”. То поднимаясь в высшие эшелоны, то возвращаясь в бизнес. Человек он хороший, это бесспорно. Но сегодня недостаточно быть просто деловым и умным. Надо ещё и правильно подать себя. Такие времена. Если тебя нет в медиа, то что бы ты ни делал хорошего, для общественного мнения тебя как бы и нет.

Холл, который Дубравин про себя называет “накопителем”, постепенно заполняется. Разговоры в кулуарах разные, но особенно длинных никто не заводит. Все ждут прихода Рюрикова.

Минута в минуту (Дубравин отмечает: “точность — вежливость королей”) появляется и он. Невысокий, сухощавый, элегантный. Но вытянутое лицо выглядит устало, под глазами — мешки.

Народ выстраивается вдоль стен. Губернатор здоровается с каждым, успевая на ходу сказать пару слов.

Ожидая своей очереди, Дубравин в который раз отмечает про себя какое-то врождённое благородство Рюрикова. Чем-то он отдалённо напоминает ему последнего Российского императора. Такой же спокойный, невозмутимый.

Одно слово — “человек федерального уровня”.

Только у него могла родиться и воплотиться идея собирать в одном месте, в одной организации всю элиту губернии, чтобы совместно решать возникающие вопросы и проблемы. И решают!

Много лет стоял в центре города недостроенный кафедральный собор. Но только с приходом нового главы стройка сдвинулась с места. И теперь все ждут Патриарха на его освящение.

Два десятилетия ждал решения своей судьбы старинный театр. Сносить или восстанавливать? Хотя как восстанавливать руины? Но напряглись, скинулись. И Новый год справляли уже в отреставрированном здании театра, можно сказать, в новеньком, с иголочки.

На глазах менялись городские дороги, на которые удалось получить приличные деньги из центра. Воспряли фермеры. Сельское хозяйство прекратили называть “чёрной дырой”, в которой исчезают миллиарды. Совковый аэропорт, который много десятилетий пугал своим туалетом впечатлительных путешественников, наконец-таки тоже начал реставрироваться. “Руку” губернатора Дубравин периодически обнаруживает в самых неожиданных местах. Как-то разговаривал с начальником железнодорожников и похвалил их за то, что они пустили дневной поезд до столицы. И к своему удивлению, узнал, что на этом настоял Рюриков.

Отздоровавшись, все чинно тянутся по лестнице на второй этаж, где есть зал для заседаний. По ходу дела, пока рассаживались на аккуратных стульчиках, Александр вспоминал, что говорил ему Рюриков при знакомстве: “Я сюда пришёл на десять лет. Почему на десять? Да потому, что за такой срок человек может полностью воплотить в жизнь все свои идеи. А если сидеть и дальше, то начинается застой, безвременье, закисание. Глаз замыливается. И пришёл я сюда не бизнесом своим заниматься. Не деньги зарабатывать. Не карьеру делать. Я просто хочу, чтобы люди обо мне вспоминали по-хорошему. Был, мол, такой человек”. В тот момент Дубравин, в сущности, всё и понял. Что перед ним человек живой, творческий.

А в напиiskanном техникой зальчике в это время уже разворачивается привычное действие. Сначала им раздают отчёт о деятельности организации. Отчёт вкратце комментирует председатель собрания Борис Александрович — сухощавый, но чрезвычайно живой старик:

— Два миллиона потрачено на пять развёрнутых столовых для бедных, три — на реставрацию храма в селе Перечун. Ещё шесть мы направили на обучение молодёжи в бизнес-семинарах...

Пока идёт эта рутинная процедура, Дубравин приглядывается к гостям собрания. Сегодня их двое. Это учёный, директор одного из институтов Российской академии наук, и знаменитый музыкант, которого пригласила выступить перед высоким собранием супруга губернатора.

Профессор Шапошников из славного российского города Суздаля — настоящий типаж российского учёного, каким его изображают в советских кинофильмах. Со слегка растрёпанными русыми кудрями, аккуратной бородкой и в очках. Одет он в поношенный костюмчик и слегка стоптанные туфли. Одно слово — провинциал. Но вот тема его выступления вполне серьёзная: “Есть ли у современной России настоящие союзники?”

Через полчаса и для Дубравина, и для всего зала становится ясно, что настоящих, серьёзных, а главное, честных союзников у страны нет. Белорусский хитромудрый Батька только и делает, что тянет из России на содержание своего режима кредиты, преференции и разные прочие нерыночные дотации. За годы независимости минский режим получил от нас не менее двухсот миллиардов долларов. И вернул их убаюкивающими рассказами о вечном славянском братстве и взаимной любви. При этом сам “последний диктатор Европы” в любой момент готов переметнуться на сторону Запада. Правда, при одном условии — что там будут давать больше.

Старый союзник на востоке, Назарбаев, тоже не слишком надёжен. Но по другой причине. Он в любой момент может отойти от дел. Серьёзного, толкового наследника у него нет, потому что куча детей и родственников хотят дорваться до власти. И попытки как-то выстроить претендентов по ранжиру натываются на их амбиции, в общем, кончаются ничем.

Так что партнёры наши вовсе не партнёры, а халявщики. А посмотрите, что на “ридной неньке” творится?..

Для Александра идеи профессора не новость. Но даже не в этом главный вывод для всех русских. Им пришлось время понять, что борьба за ресурсы шла всегда. И такой кусок, как Россия, вечно будет манить всех жаждущих поживиться за наш счёт. Новым было другое. О чём и вещал бородатый профессор со своей трибуны:

— Конечно, сегодня нападать на Россию в открытую — это дело самоубийственное. Теперь вряд ли будет так, как в прошлые века, когда каждые как минимум сто лет мы переживали нашествие. То из степи, то с Запада...

Из зала раздался то ли вопрос, то ли реплика:

— Ну, про монголо-татарское иго всё понятно. А европейцы где?

Профессор, не останавливаясь и не сбиваясь, ответил:

— Первая попытка — в тысяча шестьсот двенадцатом году. Великая смута. Поляки хотели подчинить нас себе. Вторая — в тысяча семьсот девятом году. Поход Карла Двенадцатого. Третья — в тысяча восемьсот двенадцатом — вся Европа во главе с Наполеоном двинулась на Россию. Отбились. В тысяча девятьсот четырнадцатом опять половина Европы попыталась нас расчленить и уничтожить. И снова не вышло. С огромными потерями, но устояли. И тогда европейцы повторили попытку в тысяча девятьсот сорок первом. Дурак тот, кто сваливает всё на Гитлера. За Гитлером и его ударными частями стояли все европейские страны. Одних итальянцев под Сталинградом и Воронежем мы уложили двести тысяч. А сколько было ещё румын, венгров, поляков! Даже канадцы отметились. Даже братушки наши пёрли с немцами в надежде отхватить от России кусок. Попытки эти не кончились, и сейчас, в начале нового века, вполне возможен следующий накат. Но теперь они умнее и осторожнее. Как-никак, у нас ядерных бомб на складах больше всех в мире... Думаю, они это понимают. И будут стараться действовать, как в девяностые. Снова вести информационные войны. Снова пытаться нас самих,

дураков, побудить развалить собственную страну, которую мы с таким трудом на этот раз удержали... Поэтому в покое нас не оставят, постепенно, шаг за шагом оттяпывая куски в виде ненадёжных союзников и продажных друзей. Расчленив нас, раздробить, чтобы потом превратить в колонию и эксплуатировать наши богатства — вот вековая мечта наших соседей. И для них неважно, какой у нас общественный строй. Он для них всегда будет плох. Потому что единая Россия не устраивает никого.

Профессор сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Я вот ещё несколько лет назад был на одной конференции в Киеве. После заседаний мы с коллегами, чего уж греха таить, неплохо выпили и разговорились по душам. И я спросил украинцев: “Мы, мол, вам столько предлагали, чтобы вы вошли в Таможенный союз. Только что не готовы были назвать себя Украиной. А вы отказывались. Почему?” А они в ответ откровенно: “Да скоро вы распадётесь! И мы с европейцами придём и всё даром у вас заберём”. Вот такая картина маслом. Такие вот мечты у наших “братьев”. И это новая реальность. Может быть, главное открытие для нас самих...

“Да! — подумал Дубравин. — Поневоле тут вспомнишь Александра Третьего, который говорил, что у России только два союзника: её армия и флот...”

После официальной части все двинулись вниз, к фуршетным столам. И как-то так получилось, что Дубравин оказался на этом пути рядом с Рюриковым. И они, как обычно, перекинулись парой слов:

— Ну, как дела, Александр Алексеевич?

На что Дубравин коротко обрисовал состояние дел:

— Работаем, Пётр Андреевич. Готовим очередную акцию.

— Привет тебе от отца Фотия. Я недавно был в Москве, с ним виделся.

— Ну, и как он там?

— Процветает. Занят сейчас подготовкой выставки в московском Манеже. Выставка по истории России. Будет касаться царской династии...

— Надо взглянуть, когда откроется!

В этот момент уже вниз, в зал для фуршета, начал подтягиваться остальной народ. И к губернатору по делам подошли другие участники “пленера”. Дубравин понял, что у Рюрикова идёт работа и здесь, и отошёл к большому столу, где уже были разложены привычные закуски. Набор их был известен и почти не менялся — ни в зависимости от времени года, ни от места, где проходили собрания. Была фаршированная рыба, креветки на шпажках, рыбные котлеты, разного рода фрукты, овощи.

Появился вышколенный чёрно-белый официант. На руке у него балансировал целый поднос самых разнообразных благородных напитков. Дубравин уже давно прошёл через искушения и слабости, встречающиеся на пути достаточно обеспеченного человека, и от молодого здорового питья водки в армейскую и корреспондентскую молодость он сначала перешёл на якобы полезные красные вина. А теперь находился на стадии “бокальчик белого сухого”, но каждый раз, поднимая этот самый бокальчик с белым, он с сожалением думал: “Если бы молодость знала...”

У столика была привычная компания: директор атомной станции, владелец гостиничной сети, глава большого агрохолдинга.

Какое-то время ели и выпивали молча. Пока у Дубравина, которого прямо-таки трясло от полученного утром известия, не вырвалось:

— Вот гниды эти чиновники! Я уже год не могу передать имущество из одного предприятия в другое, чтобы упорядочить их деятельность и прекратить перекрестное финансирование...

Все, стоявшие за фуршетным столиком, слегка потупились и смутились. Привыкли, что разговоры в усадьбе идут благообразные, спокойные, как бы ни о чём. А он нарушил традицию.

Но Александр уже закипел, как самовар:

— А главное, всё по закону. Документы в полном порядке. И отказ. Подаю в суд. Суд принимает решение — зарегистрировать. А они — снова отказ. Им закон не писан. Находят смехотворный предлог — нотариус не там

запятую поставил! Они просто издеваются над нами и здравым смыслом. И что мне делать в таком случае?..

Владелец гостиничной сети, видимо, тоже задетый за живое, вещал о своих проблемах, правда, более дипломатично:

— Да что говорить! Сделали мы новую гостиницу. С МЧСом договорились. Они тоже подписали, почти с первого раза. Наши пожарники муржили полгода и подписали.

Он огляделся по сторонам виноватым взглядом — не подслушивает ли кто. И добавил с некоторой долей отчаянности в голосе:

— Просто так, думаете, подписали? Нет. Дал взятку. Договорились с их начальством. Ну, мол, всё. Три года, как полагается, по закону никто к вам не придёт. И что же? Генерал уехал в отпуск. И позавчера приползает ко мне проверяющий. Я ему говорю: вы по закону не имеете права меня три года проверять. А он мне показывает письмо “трудящихся”. Мол, по сигналу пришли. Пенсионерка написала, что в нашей гостинице нарушаются правила пожарной безопасности...

— Да они сами такие письма сочиняют! — вступил в разговор немецкий фермер.

— Это потому, что это государство — наш враг! — хорошо принявший на грудь очередной бокал Дубравин, как говорится, вставил “доброе слово”. И помолчав, опять заговорил о своём, наболевшем:

— Вот что мне делать? Пойти взять ружьё? Отправиться в эту налоговую и пристрелить эту собаку, которая мне мешает жить и работать?!

От соседнего столика, услышав столь резкое высказывание и шум, к ним подошёл председатель собрания — хитрющий промышленник старого закала, занимающийся всем на свете — от строительства гостиниц до производства ракетных компонентов. Сухой, чтобы не сказать, тощий, и в свои семьдесят лет выглядевший бойким живчиком, он принялся тушить разгорающийся и грозящий нарушить благочиние разговор:

— Что вы? Что вы? Зачем так громко! Никого не надо стрелять! Давайте лучше нальём ещё по бокальчику. И выпьем за губернатора, который столько делает для области. Видно, нам его Бог послал, что после стольких бесславных лет наконец-то нам повезло, и появился такой человек.

Что ж, тут, как говорится, ничего не попишешь! Это действительно правда. И все дружно зазвенели бокалами над фуршетным столиком, застланным белой скатертью.

* * *

Возвращаясь домой, Дубравин вспоминал давнишний разговор с губернатором. Разговор о подборе кадров. Исходили из того, что толковых людей мало. И непонятно как комплектовать команду. Рюриков считал, что надо находить достойных, а главное, порядочных людей. И эти люди, пусть они даже не профессионалы, поведут дело по-новому, по-человечески. Они, в свою очередь, найдут себе достойных и порядочных товарищей. Так будут создаваться команды...

“В сущности, от такого подхода несёт толстовщиной, — думал Александр. — О чём-то похожем писал в “Войне и мире” Лев Николаевич. Если, мол, люди гадкие и подлые собираются в кучу и составляют силу, то людям хорошим надо делать то же самое! Но увы и ах! Даже самые порядочные и достойные вряд ли могут сломать сложившуюся за века систему. Да к тому же в той зачумлённой атмосфере, в которой живёт госаппарат, и самые достойные люди меняются”.

Так что по этому пункту у Дубравина было особое мнение. Он считал, что на чиновничество можно воздействовать только страхом. “Чтобы дерьмо не застывало, его надо как можно чаще мешать! Проводить ротации. Гнать засидевшихся в шею с должности”.

VII

В последние месяцы Александра по ночам стали преследовать какие-то странные, яркие, как картины Ван Гога, сны. Иногда обрывочные, иногда цельные, с сюжетом и смыслом. Как будто что-то давно забытое, стёртое из памяти, начало толкаться изнутри, пыталось всплыть из глубины подсознания на поверхность. С одной стороны, это его беспокоило, а с другой — как-то даже радовало. Потому что в этих ярких снах он жил и переживал что-то важное, радостное, бесспорное... Как будто во сне к нему приходили близкие-близкие, но давно забытые люди...

Их в комнате четверо. Он и три его друга — Коля, Алексей и Сергей. Лобастый Коля — самый старший и самый близкий. Играют в солдатики. Он разложил на столе карту сражения. И верховодит оттуда полками. Сегодня он Наполеон. А Коля — Кутузов.

Хозяин специально согласился на эту роль. Потому что все хотят выигрывать. И когда проигрывают, то обижаются. И потом их не зазовёшь снова. А играть одному скучно. Вот он и стал Наполеоном при Бородино.

Ах, как азартно идут в атаку его блестящие кирасиры! Как мощно бьют батареи! Вот-вот его великая армия сметёт русские полки в центре и прорвётся в тыл. Но увы и ах! Он уже видит, как куксятся Коля-Кутузов, как начинает сжимать губы старший из братьев — восьмилетний Алексей. И подаёт команду трубить отступление. Дружба для него дороже победы. Тем более что историческая правда так до конца и не определена...

Битва-игра заканчивается спонтанно, потому что все “полководцы” принимаются разглядывать цветные картинки в большой исторической книге с заглавием “История Петра Великого”.

...Ещё картина. Вокруг простые, обычные русские лица. Кучера, дворяники, лакеи, горничные. Он сидит среди них. И в руках у него балабайка. Как заразительно смешно наяривает он песню про ухаря-купца! Так, что все смеются и радуются, глядя на него...

* * *

На работе у него на столе лежала красивая лощёная бумага. С замысловатым вензелем, украшенным митрою, и с пышным титулом, выписанным на церковнославянском. Это было поздравительное письмо от митрополита.

Дубравин водрузил на нос очки в дорогой оправе и, не торопясь, стараясь вникнуть в смысл каждого слова, вчитывался в стилизованные под рукописные печатные строки:

“В дни великого Торжества из торжеств — Пасхи Христовой — от всего сердца приветствую Вас жизнеутверждающими словами, свидетельствующими о полноте нашей веры, надежды и любви: Христос Воскресе!”

Всякий день Пасхи Христовой — это день, когда светом Воскресения Христова всё наполняется сиянием вечной жизни.

Возрадуемся и возвеселимся Празднику Праздников, ибо ныне Свет Христова Воскресения наполняет смыслом жизнь каждого человека, создаёт основание для всякого благого желания, замысла и начинания. Свяtitель Амвросий Медиоланский так размышляет о том даре, который мы обрели благодаря Воскресению Господа и Спасителя нашего: “Во Христе мы обладаем всем...”

Дубравин дочитал письмо митрополита до конца: “Хорошо написано, профессионально”. Но если раньше такие поздравления поднимали в нём душевный восторг, вызывали благоговение, то сегодня почему-то появились грусть и лёгкое недоумение: “Написал бы он мне как-то попроще, почеловечнее, что ли. Ведь как-никак я для Православной Церкви вовсе не чужой. И храм он наш освящал”.

Тут Дубравин вспомнил, как десять лет назад приезжал в его деревеньку седобородый, грузный, очень интеллигентный митрополит Амвросий. Как на клиросе пел душевно хор. И он не мог удержать слёз, которые душили

его во время этого праздничного действа по освящению восстановленного им с односельчанами храма. Тогда он получил первую церковную награду за труды — медаль имени святого Митрофания. Да и с митрополитом они виделись не раз, то на рождественском благотворительном обеде, то во время празднования именин Его Святейшества. Не чужой вроде он человек. А вот обычного, человеческого в этой совместной работе Александру не хватает. Вот сейчас отписал бы просто, собственной рукой два-три слова. И он бы, наверное, порадовался. А так... Хорошая бумага. Гладкая...

“Надо встретиться! — решил он для себя. — Тем более, есть повод поговорить. Церковь так и стоит наша. Действует от случая к случаю, от праздника к празднику. Не так я себе это представлял, когда мы её восстанавливали”.

По молодости и некоторой наивности своей души Дубравин думал, что вот восстановят они церковь, найдут священника и заживёт приход полной жизнью. Поселит он батюшку в дом, который купил специально для этого в Луговом. Будут они после служб попивать вместе чай, беседовать о высоком: о Христе, о душе. И закипит у них в этом дальнем уголке русской земли новая жизнь. Сплотятся люди вокруг батюшки и церкви. Начнут просветляться. Возродят общинную жизнь.

Но всё это как-то почему-то не сбывалось. Сначала они нашли священника, но тот отказался ехать в дальний приход, хотя Дубравин обещал ему достойную зарплату. Второго — из бывших военных — почему-то не утвердил митрополит.

Сегодня Дубравин подумал, что он чего-то не понимает в духовной жизни. Или в устройстве Церкви... И решил сам сходить к митрополиту, чтобы дал им хорошего попа.

* * *

В назначенный час его зелёный “крокодил” подъехал к крыльцу резиденции митрополита и остановился у крыльца. Резиденция была симпатичным особнячком на территории монастыря.

Дубравин соколом взлетел по ступенькам и оказался в приёмной-предбаннике, где сидел милостивый молодой человек в добротной чёрной расе и с аккуратно расчёсанными на прямой пробор волосами. Дубравин привык видеть духовенство обычно бородатым. Поэтому вид этакого молоденького ангелочка несколько удивил его и даже слегка озадачил. Но он с собой справился. И спросил:

— А владыка на месте? Мне назначена аудиенция.

Пришёл черёд удивляться секретарю. Ломким юношеским голосом он ответил:

— Владыка в отъезде! И вроде бы он никого не ждёт!

Дубравин уточнил, что владыке звонила Сорокаумова. И ему назначено именно на двенадцать часов.

Юный послушник или семинарист (Дубравин так этого и не понял) стал звонить куда-то по телефону. Уточнять ход событий.

А Дубравин уселся в удобное кресло. И стал ждать, размышляя, о чём бы ему ещё хотелось поговорить с владыкой, если можно так сказать, “по душам”.

“Конечно, деревенская церковь — в первую очередь. Второй вопрос — как совместить душевное совершенствование с этой мирской жизнью в бизнесе. С этими постоянными стычками, склоками, которые разъедают душу, не дают установиться так необходимому спокойствию, душевной благодати, к которой, собственно говоря, и должны стремиться истинно верующие во Христа люди”.

Был и ещё один повод для постоянно грызущей его душевной тревоги и напряжения — дела семейные.

Дубравин давно фактически жил здесь, в области. У него была новая семья, дочка. А вот с разводом до сих пор ничего не решилось.

Причин было несколько. Во-первых, не знал, как сложится его здешняя жизнь с Людой. Как говорить, не зная броду — не суйся в воду. А потом — дети. Как их оставить, если они ещё не “встали на крыло”. И приходилось им помогать. В подростковом возрасте такие вещи, как развод родителей, да ещё и с “битьем посуды”, просто так не проходят. Поэтому он ждал, когда уж они “оперятся”.

А ещё ему было жалко Татьяну. Она так боится жизни, никогда не работала в условиях новой России. Но и вечно тянутся такая история не могла.

Поэтому, обращаясь к владыке, Дубравин в глубине души надеялся ещё и на совет. И кто, как не человек такой высокой духовности и признанного авторитета, может дать его.

Время шло. И наконец, в приёмной началось движение. Заглянул в дверь суровый чернец с огненными глазами. Зазвучали в соседних комнатах голоса. Секретарь весь подобрался, напряжился.

Во дворе заурчал мотор автомобиля. Послышались шаги, на пороге появился сам Амвросий. В обычной рясе и шапочке-сфурфейке он не казался сегодня таким важным и осанистым, как на разного рода официальных мероприятиях и богослужениях. Его раскрасневшееся лицо с седеющей бородой отдавало таким розовым, сияющим светом, что Дубравин невольно подумал: “Есть в нём что-то детское, слегка наивное! Вот что даёт внутренний покой. И благодать. Вот и хорошо! Такой человек быстрее поймёт мои заботы!”

Прошли в кабинет. Он у митрополита был побольше, чем у Дубравина. И обставлен весьма солидно. Особенно удивили Александра колонны в углу. Часы в рост человека. Дубовая мебель светлых тонов. На стенах портреты Патриарха и иконы в хороших, а некоторые и в дорогих окладах.

Судя по всему, резиденция раньше была каким-то дворянским гнездом средней руки. И тут, где теперь кабинет иерарха Церкви, была либо небольшая гостиная, либо танцевальная зала.

Разговор сразу пошёл деловой:

— Ну, как дела, Александр Алексеевич?

Дубравин, стараясь особо не вдаваться в долгие подробности, начал рассказывать о работе “Трезвого дела”:

— Хорошо, владыка. На первом этапе мы запустились в основном в прессе. Начали выявлять факты продажи спиртного детям и подросткам. И по каждому факту давали публикации в прессе. Я сам начал вести передачу на телевидении, посвящённую этому вопросу. Теперь же нам надо переходить от количества к качеству...

Митрополит внимательно слушал Дубравина, периодически поглядывая на него поверх очков и, видимо, пытаясь что-то понять в сидящем перед ним человеке. А Дубравин как-то так незаметно перешёл к основному, за чем пришёл:

— Но у нас есть проблема, которую мы сами без вашей помощи решить никак не можем. Речь идёт о нашей церкви в Луговом. К сожалению, не удаётся запустить её в работу. Нам нужен постоянный священник, чтобы служил хотя бы еженедельно. А лучше всего такого, который бы жил там.

И понимая, что священник — живой человек, добавил, как бы извиняясь за такую прозу жизни:

— Мы, владыка, ему уже и дом приготовили в деревне. С участком. И зарплату ему положим достойную, чтобы не бедствовал. Хотелось бы, чтобы человек был, как говорится, с душой. Болел за дело.

Амвросий согласно и одновременно начальственно закивал седой головой:

— Я поговорю с благочинным вашего района, чтобы он повнимательнее отнёсся к этому делу. Подыскал хорошего человека на приход!

Вот вроде бы всё сказано про официальные дела. Теперь хорошо бы и о личном, душевном поговорить. Но едва Дубравин раскрывает рот и пытается сказать, что вот, мол, владыка-митрополит, хочу поделиться своими проблемами, как раздаётся треньканье телефона и голос юного секретаря по селектору:

— Владыка, звонят из Москвы! Срочно. Из отдела международных отношений. По поводу вашей поездки на конгресс...

— Соедините! — отвечает Амвросий. И взгляд его, направленный на Александра, как бы оправдываясь, говорит: “Вот видишь, милый. Занят я! Дела не отпускают!”

Дубравин — человек в общем-то догадливый. И тактичный. Он откланивается. И выходит. Про себя думает: “Ну, ладно. Не получилось поговорить с митрополитом. Может, как-нибудь в другой раз. Или с отцом Мефодием посоветуюсь. В конце концов, он же тоже священник”.

* * *

Прошло несколько месяцев. Но, видно, что-то в церковной машине очень четко срабатывало. Как-то после одной из редких и коротких праздничных служб, которые иногда проводил благочинный в их церкви, Дубравин справился у него, будет ли выполнена просьба общины. Будет ли дан им отдельный священник на приход? Но, похоже, благочинный (это был молодой, красивый, с породистым лицом, священник, судя по всему, из успешных, хорошо устроившихся и вовсю строящих карьеру) был обижен и, может быть, даже раздражён тем, что “прихожанин” пошёл мимо него в вышестоящие инстанции. И отнёсся к этому вопросу без энтузиазма:

— Да, владыка-митрополит вызывал меня. Беседовали. Сказал обратить особое внимание. У меня есть один молодой священник на обучении. И через полгодика, когда он будет готов, я вам его представлю. А пока я сам буду приезжать почаще. Сам буду служить!

Вроде всё шло гладко. Дано обещание. Под это обещание община подняла ставку содержания священника. И стала ждать.

Но дни шли за днями, недели за неделями, а постоянный священник так и не появлялся.

Грустно было Дубравину наблюдать это бездействие. Но, как говорится, “в чужой монастырь со своим уставом не лезь”.

А люди у них в общине подобрались активные и деловые. И сидеть без работы не могли. Сами обихаживали храм. Заказали, отлили и повесили колокола. Подвели газовое отопление, организовали охрану. Начали думать о новой росписи. Много проблем было с узакониванием строения. Ни по одному плану в районе она давно не числилась. Пришлось действовать через суд. По его решению местные власти признали церковь существующей.

Это были маленькие, но победы их прихода. А главного не было. Благочинный по-прежнему наезжал редко. Быстро отслужив короткую службу, садился в свою иномарку и торопливо уезжал в район. Там у него был главный храм, о котором он заботился. Там была и главная многочасовая обедня. Там был и основной доход.

Так что Дубравин теперь с грустью смотрел на храм. И понимал, что Церкви ни этот храм, ни они сами по большому счёту не нужны.

— Ну, что ж, как говорится, на нет и суда нет! — повторял он иногда материнскую присказку. — Видно, не со зданий надо было начинать. Это нам урок. На Бога надейся, да сам не плошай!

Но было ему сначала от этих мыслей горько и грустно-грустно. Иногда он размышлял о причинах такой неудачи:

“А в чём же наша общая ошибка? Ошибка всего нашего народа. Может быть, в чрезмерных надеждах на церковь? В наших ожиданиях от неё чего-то особенного? В нашем тотальном непонимании простых вещей? Ну, хотя бы таких, что вера, религия и церковь — это разные понятия. Вера — это то, что горит в груди. Религия — это система обрядов, ритуалов, догматов, которые призваны зарождать и поддерживать веру в человеке. А церковь — это организация, корпорация людей, которая должна “продвигать” религию. И как в любой организации, в ней полно самых разных “человеков”, которые живут и работают, движимые не только верой, но самыми разными интересами — деловыми, карьерными, коммерческими, семейными. А мы, простые люди, думаем, что если человек одет в рясу и совершает разного рода ритуальные действия, то он уже, по меньшей мере, святой или на пути к святости. Наивные мы люди. Надо быть трезвее!”

VIII

Из тех, кто сегодня любит восстановленным во всём своём великолепии храмом Христа Спасителя, мало кто знает, что он видит далеко не всё. “Золотые” купола и белоснежные стены скрывают от глаз целый мир. Внутри храм похож на слоёный пирог. В нём имеются скрытые нижние этажи, в которых расположены хозяйственные службы, гаражи, офисы, трапезные, залы для заседаний.

Дубравин тоже этого не знал. И сначала пошёл к парадному главному входу в храм, где стояла небольшая очередь. Но расспросив охранников в чёрной униформе, стоявших у входа, понял, что ему не сюда.

Только минут через десять он обнаружил то, что искал. Вход в зал заседаний, который был расположен в цокольном этаже, находился с другой стороны.

Здесь документы проверяла полиция.

В фойе он зарегистрировался и двинулся вдоль ряда столов и лотков, на которых были разложены книги, газеты, журналы. Купив пару изданий, он пошёл в зал, поразивший его своей красотой. Над президиумом раскинулось огромное панно, изображающее сцену из Священного Писания; хрустальные эксклюзивные люстры, полы, покрытые дорогими коврами, белые ряды кресел с алой бархатной обивкой... О серьёзности мероприятия свидетельствовали бригады телевизионщиков с ведущих каналов, расположившиеся в разных местах зала и настраивающих свою аппаратуру.

Дубравину невольно вспомнился предыдущий съезд “Трезвого дела”, состоявшийся в Доме журналистов. Там было тесно, жарко. Но интересно. Шла дискуссия между сторонниками “культурного питья” и теми, кто категорически настаивал на лозунге: “Русский — значит трезвый”. Особенно запомнился ему один профессор, который говорил по поводу “культурного питья”:

— Что греку или французу хорошо — то для русского смерть.

Тогда он столкнулся с группой монахов, которые, судя по всему, мнили себя великими радателями за дело трезвости русского народа. Стычка произошла после выступления Дубравина, в котором он рассказал о том, как помогают в деле отрезвления молодёжи восточные боевые единоборства:

— Тысячи ребятишек занимаются у нас. И я уверен — они уже не попадут в сети “зелёного змия”, — заявил он с гордостью.

И был страшно удивлён, когда несколько “чёрных” монахов в перерыве заседания стали предъявлять ему претензии: “Почему вы поддерживаете восточные единоборства, а не развиваете нашу исконно русскую борьбу?” И всё в таком духе. С остервенением. Будто не благое дело он делает, а чёрт знает что.

Судя по всему, таких сегодня на съезде нет. Теперь публика несколько другая. Лояльная. Более холёная. Много людей церковных, в хороших рясах, отъевшихся, ухоженных. Есть и граждане с “чиновничьими физиономиями”. Прибыл лидер коммунистов. Явился собственной персоной и крикливый глава доморощенных либерал-демократов. Правящая партия тоже прислала главу парламента. Всё чин-чинарём.

Но не эти люди интересовали его.

Он втайне надеялся, что сегодня ему наконец-то удастся поговорить о своих душевных метаниях с отцом Фотием, но он пока не появлялся. А вот пресс-секретарь правящего архиерея их епархии отец Сергей был уже здесь. Нагрузился книгами. Ищет своё место.

Они знакомы ещё с тех времён, когда отца Сергея звали Сергеем Зарубским. И он, работая в областной администрации, консультировал штаб Дубравина во время тех ещё, давних выборов. Потом он исчез с горизонта. Поговаривали, что у него случилось большое несчастье в семье, и это привело его к вере, а потом и в Церковь. Спас его от отчаяния митрополит соседней области. Человек чуткий, душевный, он по-отечески врачевал раны бывшего психолога-аналитика. И попутно вовлёк его в орбиту церковной жизни. Зарубский принял сан и стал священником.

Так всё вернулось на круги своя: отец Сергей встретился с Дубравиним снова, и вместе они взялись за “Русский вопрос”.

Благообразный русский интеллигент с мятущейся душой, отец Сергей теперь работал пресс-секретарём правящего архиерея. Не без сложностей. В Церкви, как и в любой организации, идёт постоянная, невидимая миру борьба за близость “к телу”, за влияние, за доходы. И новоявленному “белому” иерею приходится иногда несладко под тяжёлой дланью “главного по хозяйству”. Но он смиренно нёс свою ношу, не роптал.

На этом съезде он был при полном параде, даже в наградной фиолетовой камиллавке. Устроился удобно рядом с Дубравиным. И привычно объяснял ему, человеку далёкому от Церкви, тонкости церковной политики:

— Я раньше бывал на таких совещаниях. Тогда сюда приезжал сам президент. А сегодня только глава администрации. Ну, значит, Патриарх скажет вступительное слово. Потом немного побудет. И раз главного лица нет, то, наверное, тоже после перерыва уедет.

Дубравин понимал, о чём идёт речь. О том, что главная цель нынешнего собрания не та, что он предполагает. Не борьба за трезвость, а показ руководству страны, какую удалось развернуть мощную кампанию. Какие в ней задействованы силы...

В этот момент он, наконец, заметил отца Фотия. Настоятель известного московского подворья недавно стал архимандритом, а само подворье получило статус отдельного монастыря. Архимандрит появился неожиданно, как будто возник из воздуха. Дубравин обрадовался: “Может, удастся поговорить. Минут десять. Поможет разрубить гордиев узел”.

И быстро двинулся по залу. Они встретились на ковровой дорожке в холле. Взаимно обрадовались. Обнялись. И трижды “в щёчку” похристосовались. Начал разговор Александр:

— Вот, приехали почему-то большой делегацией.

— Это чтобы более весомо представить вашу область. Потому и пригласили расширенный состав.

Дубравин коротко, в нескольких фразах рассказал о делах. Отец Фотий живо заинтересовался, что нового у Рюрикова. И только Дубравин настроился на душевный разговор, как тот стал быстро оглядываться по сторонам.

Но он всё-таки ещё спросил:

— А как мои ролики? Идут у вас?

— Да, идут! И хорошо идут! — начал говорить Дубравин и хотел уже было рассказать об отзывах на ролики, но тут увидел, что архимандрит уже смотрит мимо него, то есть мыслями витает уже где-то в другом месте. Не здесь. И Дубравин оборвал свой рассказ на полуслове:

— Всё путём! Работаем.

— Ещё увидимся! — успел сказать отец Фотий. И унёсся дальше. По делам.

“Жаль! Не удалось поговорить”, — думал Александр, занимая своё законное место во втором ряду, сразу за лидером коммунистов.

Народ вокруг него тоже начал рассаживаться.

Всё происходило именно так, как и предсказывал знаток подобного рода дел отец Сергей. Начальство, разочарованное отсутствием первого лица, покинуло президиум сразу после перерыва. По регламенту время выступлений сократили до нескольких минут. Что-то говорили случайные люди.

Дубравин начал раздражаться: “И кому нужен тут наш уникальный опыт?” Но в конце концов решил: “Кроме всей этой бюрократии, есть тут несколько человек, таких же, как и я. Радеющих за дело. Пусть их не так много, но они есть. Для них и буду говорить!”

И уверенно шагнув на трибуну, он взял самую высокую ноту. Торопился донести до слушателей суть своих методов проведения таких мероприятий. Несколько обязательных слов с расшаркиванием перед властями и... ближе к делу, к реальности:

— Мы снимаем каждое мероприятие, которое проводится в области в этом направлении. И сразу показываем его на телевидении, выкладываем в общий доступ на сайты. Любое. Большое и маленькое. Фестиваль брейк-данса и турнир детских дворовых команд. Рейд по киоскам и форум в правительстве. Что это даёт? Во-первых, так мы контролируем работу органи-

заторов и волонтеров. Когда за тобой следит камера, не схитришь, не обманешь, не построишь “потёмкинскую деревню” в отчёте. Значит, выделенные средства идут по назначению. А во-вторых, широкое освещение в медиа воздействует на общественное мнение... Даёт резонанс...

В общем, выступил. Так, как хотел. Постарался донести до людей самое главное: что в любой работе нужен оригинальный, творческий подход. Нужно, чтобы каждый “горел”.

Когда он сел на место, отец Сергей горячо пожал ему руку:

— Отличное выступление.

“Может, с ним поговорить о проблемах? Об этих снах непонятных? О запутанных семейных делах... А главное, о том, что нет спокойствия в душе. Как добиться... Хотя чего я? У него у самого душа болит. Ему самому надо слово утешения. А я ещё буду навязываться. Как-нибудь потом...”

Словно уловив такое зыбкое настроение соседа, отец Сергей тихо сказал:

— Сейчас перерыв будет. Потом обед в трапезной. А завтра утром, кстати, там, наверху, — он поднял белую руку в широком рукаве чёрной сутаны вверх, указывая куда-то в расписной потолок зала заседаний, — будет очень интересная служба. Сам Патриарх проведёт. Пойдём?

— Пойдём! — согласился Дубравин, понимая, что здесь уже нечего ловить.

* * *

У входа в храм — столпотворение. Сотни людей стоят на площадке и чего-то ждут. Наверное, чуда. Им кажется, если они сюда пришли на богослужение, в котором участвует сам Патриарх, то уж точно с ними произойдёт нечто важное и чудесное.

В дверях регулируют поток люди в форме. Московские казаки. Дубравин невольно морщится. Сколько лет прошло! Какие были надежды...

Они показывают бородатому стражу свои отпечатанные на плотной бумаге с вензелями приглашения и протискиваются прямо в храм.

Всё расписано. Ярко освещено. Блестит золото. Строго глядят с икон лики святых. От такой красоты и роскоши глаза прямо разбегаются.

Народ стоит плотно. Взгляды устремлены вперёд. Туда, где происходит главное действие.

Отец Сергей, извиняясь, медленно, но верно перемещается в толпе к какой-то одному ему ведомой цели. Дубравин тоже, стараясь никого не задеть, проталкивается вслед за ним. Наконец, провожатый останавливается где-то у колонны, рядом с которой стоит большой деревянный крест с распятием.

Дубравин потихоньку оглядывается вокруг. Справа от него стоит группа кадетов в ярких, с вензелями на погонах мундирчиках. Чуть дальше, на передней линии, дети из воскресной школы. Девочки в белых платицах. Пацаны в костюмчиках. Вокруг свободного места в центре, где происходит священнодействие, охрана. В том числе и церковная, но с наушниками и рациями.

Справа от них площадочка, на которой, как Александр понимает, стоят власть имущие.

Но это всё народ, так сказать, организованный. А есть и другие. Позади них монахи. Волосы и борода его будто спутаны ураганом. Все смотрят вперёд, на действие. А он вперился огненным взором в иконостас и шепчет что-то своё. Видно, молится. О чём?

Рядом с ними семинарист. То плачет, то смеётся. То падает на колени и кланяется в пол. Лбом.

А у алтаря, у Царских Врат служба идёт своим, веками выверенным, неизменным порядком. Поют певчие. Машут кадилами попы, распространяя сладкий дым ладана по храму. Открываются и закрываются Царские Врата. Дьяконы громогласно провозглашают ектении.

Дубравин слушает внимательно. Но понимает только некоторые слова, потому что вся литургия идёт на церковнославянском. И сходу, просто так, понять, о чём идёт речь, практически невозможно. Он, как и все вокруг,

безмолвствует. Только в некоторые моменты, когда видит, что иереи начинают креститься, тоже накладывает крестное знамение.

Торжественная литургия тянется долго. Патриарх и около двадцати других иерархов постоянно перемещаются, обмениваются каноническими возгласами.

Стоящий рядом отец Сергей видит растерянность на лице Дубравина и начинает нашёптывать, поясняя некоторые вещи:

— Сегодня возводится в сан епископа архимандрит Мефодий. Но само посвящение будет под конец литургии. Называется это дело “хиротония”. Он получит посвящение и принесёт архиерейскую присягу. А пока он уйдёт в алтарь, и литургия пойдёт своим чередом.

Дубравин в это время наблюдает за тем, как соискатель, торжественный и взволнованный, целует руки стоящих в кругу епископов.

“Наверное, так они приучают его смирению!” — думает он.

* * *

Время идёт. И ему начинает казаться, что он присутствует на каком-то грандиозном спектакле, который разыгрывают эти важные бородатые мужчины. Он смотрит на их раскрасневшиеся лица. И острым глазом замечает, что некоторые из них играют свою роль вдохновенно и ярко, стараясь вложить в ритуал душу. Другие держатся равнодушно, словно делают привычную работу. Третьи и вовсе всё делают чисто механически.

Он интуитивно чувствует, что в этом действии, которое сейчас происходит на его глазах, есть какие-то скрытые смыслы. Что не просто так Патриарх трижды о чём-то спрашивает у будущего епископа, не просто так священнослужители то скрываются за Царскими Вратами, то выходят оттуда, выносят и вносят Евангелие, свечи, кадила. Ясное дело, что чередующиеся одна за другой молитвы и песнопения означают что-то важное. Но, к сожалению, ему, как и подавляющему большинству собравшихся, смысл всего этого пышного действия недоступен.

У Дубравина от напряжения страшно болит спина. Духота и теснота давно разревели до приподнятого настроения, с которым он шёл в храм. Ему хочется сесть тут же на пол. И думается об одном: “Когда уже всё кончится и можно будет уйти?!”

В это время где-то в центре начинается новое движение. Опять появляется рукополагаемый, на его голове лежит Евангелие, владыки кладут сверху свои правые руки, слышатся новые молитвы, хиротонисуемому что-то подают и забирают, доносятся громкие восклицания:

— Аксиос!

— Аксиос!

— Аксиос!

— Что они кричат? — спрашивает он у Сергея.

— Это значит в переводе с греческого “достоин”.

* * *

Он всё-таки дождался конца действия. Очень уж хотелось послушать проповедь Патриарха. Но в толпе прошёл слух, что её не будет. И народ стал рассасываться. Двинулись к выходу и они с отцом Сергием. Выйдя, перекрестились. И разошлись каждый по своим делам.

Дубравин шагал по бесконечной, вечно праздничной Москве. И почему-то повторял всплывшие в памяти строки, когда-то адресованные апостолом Павлом каким-то коринфянам:

“Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так что могу

и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам всё имение моё, и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы” (1Кор 13:1-3).

IX

“Сколько веревочке ни виться, а кончик будет”.

Так оно и получилось у них с Татьяной. Уже несколько лет он по факту жил на новом месте, с новой семьёй, только изредка наезжая в Москву по делам.

Старая семья стремительно распалась. Окончил институт старший сын. И стал жить отдельно. Чудил, меняя образовательные учреждения, средний. Но было ясно, что у него тоже своя жизнь, свои интересы. Дубравину давно пора было разрубить и свой гордиев узел. Развестись, упорядочить новую жизнь. Но это голому собраться — только подпоясаться. У делового человека развод — целая история. Надо как-то обойтись с имуществом, устроить жизнь прежней супруги... Да мало ли что ещё надо учесть в этом многотрудном деле. Так что действовал он по принципам: “не буди лихо, пока тихо” и “тише едешь — дальше будешь”. И в конце концов, всё устроилось само собой.

Как-то раз, неожиданно приехав в подмосковный коттедж и перешагнув через порог, он увидел “картину маслом”. Прямо (а шведский дом не имеет прихожей, и входная дверь открывается сразу в совмещённую со столовой кухню) за обеденным столом, на его хозяйском законном месте сидел молодой садовник Дмитрий. Вкушал, так сказать, плоды трудов своих. Напротив него с широкой улыбкой на устах — Татьяна с фарфоровой тарелкой. И о чём-то радостно вешала, очень близко наклонившись к этому носатому, длинноволосому и рыхлому в талии молодому мужику. Увидев это, Александр, так не вовремя появившийся в проёме двери, застыл с приоткрытым ртом. И смог произнести только:

— Мда!

Улыбка с лица жены медленно, как маска в театре, сползла куда-то вниз. А ещё через несколько секунд её лицо и шея, что называется, пошли алыми пятнами.

Но длилась эта сцена из серии “не ждали” всего, может, десяток-другой секунд.

Татьяна, наконец, справилась с собою. И деловито-буднично, как будто так и должно быть, заявила:

— А! Приехал! Обедать будешь?

За это время Дубравин окончательно понял характер отношений, которые сложились в этой оставленной им обители.

Он давно подозревал кое-что. Ещё с тех самых пор, как Дмитрий только появился на горизонте. Был он мужиком “рукастым”, то есть умельцем и мастером. Начинал как специалист по ремонту квартир. И когда Дубравин одну за другой купил три квартиры в столице, этот мастер их и ремонтировал. Работал он медленно, тщательно. И ремонт растянулся на годы. Дубравина это напрягало. Но Татьяна настолько была восхищена умениями мастера, так восторженно рассказывала о работе специалиста: “Он прямо как мой папа все делает”, — и Александр махнул рукой на сроки. Оплачивал счета и утешал себя мыслью: “Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало”. Пусть уж она занимается этими ремонтами, чем сидит целыми днями одна дома и предаётся маразму в обнимку с телевизором.

Так и жили эти годы. Потом ремонты закончились. И длинноволосый Дмитрий стал заниматься загородным домом в официальном статусе садовника. Дом, сад, гараж, сарайчик для инвентаря и дров — всё то, на что у Дубравина никогда не было времени и сил, попали под его попечение. Садовник заменил в доме хозяина. Теперь и за обеденным столом. А может быть, и ещё кое-где...

Так что Дубравин, конечно, был слегка удивлён этой семейной сценой, но не до такой степени, чтобы впасть в ступор или немедленно начать “разбор

полётов”. Он просто понял, что его смутные догадки и подозрения об этом классическом, на его взгляд, пошлом романе полностью подтвердились. В первые минуты ему стало обидно: “Чёрт возьми! Пока я пашу, чтобы содержать всех, она тут завела шуры-муры! Не дождалась моя Пенелопа Одиссея. Скурвилась! Но с другой стороны — столько лет я “в командировке”, что её тоже можно понять”.

В конце концов, он принял ситуацию такой, какая она есть. И пришёл к простому выводу: “Фактически мы квиты. И теперь можем разобраться в наших отношениях. До конца!”

Так что он молча отобедал и залёг у себя на втором этаже, чтобы обдумать ситуацию. За эти годы он уже всё прикинул. Делать развод по-честному. Но была одна проблема: как вместе с разводом не потерять для себя и смысл жизни. А он был в одном: в деле, которому он себя отдавал. В работе. Мысли бежали одна за другой:

“За ошибки молодости надо платить. Женился по принципу стерпится-слюбится. Теперь отвечай по полной... Во-первых, чтобы процесс не превратился в свару, надо исключить, как это обычно бывает, взаимные обвинения. Понятно, что она не святая. Но начнёшь её долбить, только озлобишь. Потому что для неё роль жертвы — самая любимая. И подходящая. Значит, придётся все издержки брать на себя. Да и свара может затянуться на годы. А я люблю делать всё сразу. Поэтому надо расходиться одним махом. Не рубить же кошке хвост по частям!”

С тем и уснул.

Разговор получился к вечеру. Подав на стол ужин из гусиных пупков с картошкой, она села напротив него. И сама начала спрашивать:

— Скажи мне, у тебя кто-то есть? — при этом лицо её с красными пятнами на щеках — лицо рано начавшей стариться женщины с первой седью в волосах — приняло упёртое и готовое к бою выражение.

Дубравин, ковыряясь вилкой в картофельном гарнире и стараясь не вдаваться в излишние подробности, просто сообщил, что у него другая семья. И что ей либо придётся смириться с этим обстоятельством, либо разводиться.

Теперь, когда он до конца понял характер тех отношений, что у неё сложились с Дмитрием, он был уверен, что она выберет второе, потому что развод — для неё тоже шанс. Шанс начать новую жизнь.

Но понимал он и другое: что за свободу ему придётся заплатить немалую цену.

Конечно, начало разговора после такого его заявления было бурным. Не обошлось без упоминаний о загубленной жизни, о детях, о родственниках. Но он не возражал ей, не обвинял её взаимно, а посылал голову пеплом, принимал всё на себя. И, как опытный кормчий, через бурлящий поток аккуратно вёл “лодку” к причалу. При этом он ясно понимал, что ей необходима такая разрядка. И та роль жертвы, которую она избрала для себя в этой жизни, требует таких обвинений.

Наконец, после двух часов наездов и истерик со слезами она с женской, похожей на лисью, хитростью убедилась, что Дубравин не собирается выкапывать ей “встречный иск”. Успокоилась и стала прагматично прикидывать, что можно “отжать”:

— Я уже много раз думала на тему дома. Давай продадим его!

Но Дубравин решил, что “хорошая мысль приходит опосля”, и отложил практические вопросы на утро.

Утром за завтраком перед его отъездом состоялся уже более осмысленный и понятный разговор. Начался он с её сакраментального вопроса:

— Ты должен сделать выбор: я или она!

Дубравин, задумчиво пожевав чёрствую булку, заявил, что, судя по всему, выбор сделала сама жизнь. И он не оставит ни своё дело, ни тех людей, которые, собственно, и являются его настоящей семьёй. И добавил:

— Тебе хочется развестись? Я готов!

После этого она ещё около получаса корила его. И удивлялась сама себе:

— Что же, это я такая глупая, что ли? Что столько лет не замечала ничего?

В конце концов, перешли к тому, что интересовало обоих. К имуществу. Точнее, к его разделу. Тут она заявила, что не в деньгах счастье. И ей ничего не надо.

Такое заявление заставило Дубравина очень сильно призадуматься. И даже слегка загрустить. По опыту он знал: если женщина говорит, что ей ничего не надо — это опасный симптом. Реально это означает, что она хочет получить всё. А такие заявления призваны усыпить бдительность партнёра.

Так оно и вышло.

“В общем, не зря буддисты говорят, что прежде, чем жениться повторно, надо выдать замуж первую жену. У меня так и получается. Ну, что ж, счастья ей. Конечно, придётся содержать её вместе с садовником, который так ловко и удобно устроился. Но главное — сохранить дело! Инструмент, с помощью которого я зарабатываю. А если есть голова на плечах, то проживём! — думал он, выслушивая её соображения. — Плоды труда нужно отдавать людям. А вот инструменты — никогда!”

В данном конкретном случае “ничего не надо” вышло в подмосковный дом, квартиры в столице, иномарки и прочие мелочи. В качестве бонуса Татьяна “отжала” дополнительно деньги на квартиру в центре Минска и дачу на экологически чистом курорте с роскошной природой в Белоруссии.

Ну, и как само собою разумеющееся — ежемесячное содержание.

Но Дубравин, фактически оставив ей всё нажитое, был доволен. Он получил свободу. И возможность строить новую жизнь с любимыми людьми. А это теперь дорого стоит.

Главное, кончилась эта чёртова неопределённость, зыбкость. И для него, и для всех них.

Х

Иерусалим — вечный город. Отсюда, с вершины холма, где находится площадка для обзора и откуда начинаются все экскурсии, он хорошо виден. Серые кварталы древней цитадели, храмы, кладбища. Вниз по склону — Гефсиманский сад, золотые купола церквей и мечети Аль-Акса. Вкрапления зелени садов. И холмы.

Пёстрая картина города, одновременно древнего и современного. Смесь культур, религий, обычаев, нравов, народов. Перекрёсток дорог. И перекрёсток веков.

Здесь, на вершине холма, уже с утра много автобусов. И Дубравин вместе с другими туристами и паломниками любитесь достопримечательностями великого города.

В этой поездке он видел многое. Побывал в Назарете, где в пещере нашло приют Святое Семейство. Стоял у колодца, где добрый самаритянин спас иудея. “Ходил по воде” того моря, у которого проповедовал Иисус.

Но не только эти знаменитые места занимали его. Не давали покоя мысли: “Отчего так? — думал он, стоя у каменного парапета площадки в тени ветвистых вечнозелёных деревьев. — Ближний Восток — место, где зародились три религии. Иудаизм, христианство, ислам. И все проповедуют мир, согласие, любовь. А в итоге? На этой земле всё время идут свары, войны, междоусобицы. Что делается не так? Вот вопрос, достойный своего решения!”

Но его размышления прервал зычный голос гида. Старый горбоносый иудей с нечёсаной чёрной бородой громогласно звал их в автобус. Пора ехать к следующей достопримечательности.

В поездку эту по святым местам он сорвался как-то неожиданно для всех. Но вполне осознанно для себя. Как ищущий веру человек, он знал, что существуют такие понятия, как умиротворение, покой в душе.

Но как их найти в разворошённой современной жизни? Откуда черпать уверенность в завтрашнем дне? Где источник мудрости?

У знакомых монахов и служителей Церкви он почему-то ответов не нашёл. Духовные книги, которые он буквально “глотал”, давали заряд на некоторое время, но потом жизнь снова разрушала его логические построения

и ввергала в раздражение, страсти и, как следствие, конфликты. Так что, когда он услышал о том, что собирается группа для поездки по святым местам, то ни минуты не колебался. Надо ехать! Может быть, здесь, у истоков он найдёт то, что так давно ищет.

Первым его ощущением, когда он ступил на Землю обетованную, было изумление. Отчего? Да оттого, что далёкое и туманное, опутанное мифами и легендами, казавшееся зыбким, стало простой и понятной реальностью. Вот тебе место, где родился Спаситель. Отмечено аляповатой звездой. Вот каменные ясли, куда Его положили, спеленав. А на этом камне Он стоял, проповедуя истину собравшемуся народу.

От такого голова идёт кругом. И уже хочется самому войти в воды Генисаретского озера. И искупаться в Иордане, где Его крестили.

Тем более, что на берегу речки, в укромном месте, предприимчивые хозяева поставили раздевалки, а в воде и на берегу мостки и поручни. Иди, купи белую расшитую рубаху до пят. Переодевайся. И шагом марш в ледяную в это время воду.

Что он и сделал. Трижды, помяная имя Бога и перекрестившись, окунулся с головою...

В общем, эти десять дней в Израиле не прошли даром. Да и поездка была построена таким образом, что они как бы шаг за шагом двигались по земной жизни Христа.

Вот и сейчас — Гефсиманский сад удивил его величиной и толщиной масляных древ. Ему казалось, что это уже даже не живые деревья, а окаменевшие гигантские стволы-обрубки. Но подойдя поближе, он увидел, что сквозь ржавую броню коры пробиваются наверху трогательные тонкие зелёные веточки, на концах которых — живые цветки то ли голубоватого, то ли желтоватого цвета.

“Может быть, здесь, вот на этом самом месте, на лужайке Спаситель молился!” — думал Александр, вышагивая по насыпной песчаной дорожке и разглядывая могучие стволы.

Впереди была Виа Долороса — Крестный Путь Христа. И посещение храма Гроба Господня, где находится Голгофа и Кувуклия.

“Станный этот город Иерусалим! — снова думал он, шагая по узким каменным улочкам мимо бесконечных рядов с сувенирными лавками, развалов с фруктами, магазинов попеременно с каменными мешками дворов и подъездов. — Здесь всё сохраняется. Ничего не исчезает в реке времени. И в то же время нет ничего неизменного! Сам город не меняется веками. А вот люди и народы, живущие в нём, — да! Кого здесь только не было... Евреи, арабы, крестоносцы, христиане, мусульмане, палестинцы, сирийцы... Пёстрая смесь языков, религий, обычаев, одежд. Всё во всё”.

Внизу хасиды у Стены Плача. Наверху мусульмане у мечети.

И Скорбный Путь Христа.

Виа Долороса идёт от кордегардии, где Христа содержали и бичевали римские легионеры. Сохранилась. Тоже чудо?..

— Вот у этого поворота Христос коснулся рукой камня. И с тех пор миллионы паломников делают здесь то же самое, — объяснил гид.

Дубравин смотрел на стену и видел очередное чудо. Миллионы ладоней продавили камень так, что на несколько сантиметров углубился в него отпечаток человеческой руки.

“Как такое может быть? Камень не вата. А на нём такая вмятина”.

В конце концов, заповедными хитрыми тропами, мимо келий отшельников, отмеченных крестами на деревянных дверях, пробрались они на широкий двор и остановились у кованых ворот.

Экскурсовод сказал, что надо подождать здесь, пока не явится привратник и не откроет храм.

Народ подваливал. Группами и поодиночке. Белые и чёрные. Жёлтые и арабы. Все христиане в священном трепете и нетерпении ждали явления “ключника”.

Гид сообщил, что ключи от храма держит много веков мусульманская семья. Потому что христианские церкви не доверяют друг другу. И постоянно враждуют. По любому поводу.

Наконец, явился разудалый чернявый носатый молодой парень со связкой ключей. Распахнул ворота. И народ двинулся внутрь.

Величие, а главное — древность всего, что их окружало, потрясали. После солнца на улице в храме царил полумрак, и народ озирался вокруг, спрашивая друг друга:

— А где же пещера? Где Голгофа?

И удивлению их не было границ, когда они увидели, что Голгофа вовсе не гора, а такой крупный, в несколько человеческих ростов камень.

— А вот плита, на которую, по преданию, положили тело Спасителя после того, как сняли его с креста!

“Ну, плита, может, громко сказано”, — заметил про себя Дубравин. Но, как и все, приложился к святыне.

А святыни здесь были везде. Что ни шаг вперёд, и ты обязательно оказываешься на месте, где происходило что-то важное.

Но ещё больше, чем святыни, его удивили люди.

Оторвавшись от группы и пройдя чуть вперёд, Александр наткнулся на боковой придел храма, в котором горели свечи и стояли, что-то напевая, католические священники.

Дубравин без задней мысли зашёл к ним. Бритый морщинистый ксёндз в шапочке с улыбкой приветствовал его на польском.

“Может, он думает, что единоведец забрёл к ним помолиться?” — соображал Дубравин.

И потихоньку-полегоньку, перекрестившись пару раз на всякий случай, отвалил.

Он снова нашёл своих. И все вместе они пристроились в хвост длинной очереди, стоящей в Кувуклию, где и находится Гроб Господень.

Очередь, состоявшая из паломников — женщин в платках и длинных юбках, бородатых мужчин с крестами, — двигалась медленно. Она то что-то запевала, то начинала бормотать.

Дубравин спросил у гида о том приделе, в котором только что побывал: — Это только у католиков свой угол есть?

— Что вы! Весь храм и все его приделы, а также все раритеты разделены до последнего сантиметра между разными христианскими конфессиями, — охотно пояснил гид-проводжатый. — Больше всех тут, конечно, захвачено греческой церковью. Оно и не удивительно — эта церковь самая старая. Но и армяне сзади к Кувуклии пристроили свой кусочек. И копты свою святыню расположили... И не дай Бог, кто-то нарушит границы. Вот тут один из католической конфессии занёс лестницу и хотел что-то поставить к иконе Божьей Матери. Но его так поперли, что еле ноги унёс. А лестница так и осталась стоять. И стоит уже много лет. Все боятся её трогать...

Медленно, но неуклонно, извиваясь и петляя по храму, народная очередь двигалась к Гробу Господню. Чем ближе святыня, тем больше было беспорядка. Кто-то лез вперёд без очереди, кто-то хитрил и пристраивался к впереди стоящим.

Его группа двигалась сплочённо и чинно. В руках — свечи, которые надо приложить к гробу. На лицах торжественность и умиление.

Вот уже виден и сам вход в святое место. Но там давка. Толпа напирала, её сдерживали. У входа в Кувуклию стоял здоровенный, богатырского телосложения молодой безбородый послушник в коричневой грубой рясе с распущенными кучерявыми волосами. Ноги его, обутые в грубые сандалии, были похожи на столбы. Из-под рясы, подпоясанной верёвкой, выпирало могучее пузо.

Дубравин опытным взглядом бывшего борца оценил стать молодца килограммов в сто двадцать—сто тридцать.

Этот греческий послушник и регулировал движение народа. Своим, очень своеобразным способом. Он повесил на двух стойках перед входом верёвочку и не давал напиранию толпе заходить за неё. Когда масса заступала черту, послушник налетал на неё, выталкивая народ грудью, животом и выставленными локтями. Толпа некоторое время робко жалась у верёвочки. От толпы отделялись люди и проходили, проскальзывали в пещеру, чтобы там приложиться к Гробу.

Но сзади напирали. И цикл повторялся снова.

Дубравин видел, что этому “Голиафу”, как окрестил он про себя грека, нравится его работа. Более того, он чувствовал, что послушник — “ноги, как столбы, а руки, как ноги” — даже забавлялся этим, гордился своей силой. И ещё по выражению молодого лица он видел, что грек презирал их всех, стоящих в очереди. Презирал этих женщин в платочках, мужчин с опущенными долу глазами. И от этой безропотной покорности исполин наглед ещё больше.

Когда Дубравину оставалось метров пять до входа, послушник в очередной раз налетел на народ, сминая женщин, стоящих впереди. При этом на молодом румяном лице его было прямо-таки написано: “Знайτε своё место, букашки!”

Дубравин решил для себя: “Если толкнёт меня — не потерплю. Заеду ему сначала правым крюком в челюсть. А потом прямым в солнечное сплетение. Попрёт дальше — подсеку его передней подножкой”.

Он выпрямился во весь рост. Расправил широченные плечи и смело с вызовом посмотрел прямо в глаза молодому греку.

Ещё немного! Ещё два человека впереди. Дубравин крепко сжал и разжал кисти рук, разминая их. Нацелился глазами в левую скулу грека. Ну...

В эти секунды, видимо, поняв, что мужик, который сейчас окажется рядом, вовсе не робкий паломник, молча и безропотно сносящий толчки и накаты, а крепкий боец, грек неожиданно повернулся. И... ушёл куда-то вглубь храма.

Дубравин облегчённо вздохнул: “Ну, спаси Господи! Пронесло!” И продолжил движение. Прошли минуты. А ничего не менялось. Очередь потихонечку двигалась. Никто не нарушал порядок. Люди цепочкой приближались ко входу в святыню. Крестились. Заходили. Выходили.

Похоже, послушник только создавал нервную обстановку. Провоцировал конфликт. А без него общение с Христом стало намного проще и благообразнее.

Дубравин неторопливо, даже пропустив вперёд себя двух женщин, прошёл в Кувуклию.

Постоял, подождал, пока впереди стоящая женщина приложится к Гробу и выйдет. Затем прошёл в пещеру, где стоял каменный саркофаг с надвинутой на него гранитной или мраморной (он не понял) крышкой.

Вот и Гроб Господень.

Он встал на колени перед ним. И коснулся горячим лбом прохладного мрамора.

“Господи! — воззвал он. — Помоги найти свою дорогу к Тебе! Разреши сомнения и вопросы. Дай знак!”

Несколько секунд стоял он так коленопреклонённый у Гроба Господня. И чувствовал, как какая-то неведомая, но ясно осязаемая волна энергии, радости проникала в его уставшее сердце...

Обнадёженный и успокоенный, он вышел из Кувуклии. И прошёл вглубь храма, разглядывая по ходу дела древние кружевные подсвечники, скорбные лики на иконах — всё то, что за тысячелетия ухитрились нанести сюда верующие.

“По-видимому, они уверены в том, что всё это потускневшее золото и серебро нужно Богу”, — думал он, глядя на эти вещицы.

Вышел из полутьмы и прохлады храма во двор. А там уже стоял, дожидаясь своей группы, чудаковатый гид. Дубравин подошёл к нему, воодушевлённый и даже где-то обновлённый свершённым паломничеством. И сказал:

— Как странно... А я столько лет представлял себе это место совсем другим. Не таким простым и приземлённым. А теперь вот увидел своими глазами то, что здесь было две тысячи лет назад.

На что гид ему отвечивал:

— Но так здесь было не всегда. В четвёртом веке сюда, в Иерусалим, приехала мать византийского императора Елена. Она провела своеобразное расследование. И определила, что где находилось во времена Иисуса. Вот по её указаниям здесь и построили храм. С того времени это место и стало принимать паломников.

После посещения храма Гроба Господня их повезли на автобусе в старый город. По дороге они дивились такой чужой, своеобразной, пёстрой жизни.

Их привезли в магазин, где хитрые иудеи продавали туристам и паломникам освящённые предметы: иконы, крестики, распятия, цепочки, ковчезцы.

Здесь Дубравин купил икону с вделанным в неё камешком, якобы взятым с места казни Иисуса.

* * *

Сны в этой поездке, в жарком климате — томительные и яркие одновременно. И посещают они его почти каждую ночь. Душно спать там, где солнце печёт нещадно, а звёзды так близки и манят, как в детстве.

Непрерывной чередой — эпизод за эпизодом, как в цветном кино, — просматривает он какую-то чью-то непонятную жизнь. И задаётся вопросом: кто же заснял всё это? И когда?

Мальчик идёт вдоль длинного строя солдат, одетых в зелёную форму. И строй этот нескончаем. И всё лица, лица, лица. Разные.

Впереди идёт невысокий стройный человек в офицерском кителе. Он не видит его лица, но твёрдо знает, что это его отец. Когда он останавливается, чтобы сказать несколько слов очередному солдату, мальчик тоже останавливается, вытягивается из-за спины в кителе, чтобы слышать, о чём они говорят, и не упустить ни одного слова.

Он чувствует, что солдаты тоже имеют к нему интерес. И когда он уходит от них, удаляется, они тихими голосами переговариваются:

— Какой маленький!

— А разумный.

— И одет-то как! В простую солдатскую форму.

— Будто наш, чей-то сын.

И ему радостно. Он гордится, что эти солдаты, недавно только смотревшие смерти в лицо, принимают его за своего...

На берегу старая часовня. Недалеко старая мельница. Он силится, силится вспомнить, что связано с этим местом. И не может. Картина смазывается. Расплывается. Уходит. Чтобы смениться новой...

Удивлённое лицо раненого солдата, который лежит на постели после перевязки и щупает одежду, чтобы убедиться, не сон ли это?

XI

Чёрный полноприводный “Мерседес” класса “S” он с большим трудом и совсем немалыми сомнениями (удобно ли?) припарковал на стоянке, что находилась внизу примерно в километре от Лавры. Времена переменялись. Теперь к обители и на таком представительском авто не подъедешь. Отгородилась она длинными заборами, обставилась запрещающими знаками. Не то, что два десятка лет назад, когда он посетил её впервые. Пришлось идти пешочком, за верх по ступенькам. Туда, где вздымались толстенные стены и башни этого монастыря-крепости.

Поднялся на вымощенную площадь перед воротами. И напрямик к вновь отстроенным краснокирпичным палатам, на широких дверях которых написано: “Туризм. Экскурсии”.

Просторное помещение было полно разнообразного народа. Можно и потеряться в толпе. Но он твёрдо знал, что ищет. Подошёл к деревянной стойке, за которой сидела молодая волоокая девушка со смешливыми подвижными губами.

— Мне нужна некто Мария Михайловна Золотова. Ей звонили...

— А она вон там! — девушка “в платье из ситца” внимательно глянула на него своими очами и кивнула в сторону полузакрытой двери. Затем подумала несколько секунд и, подойдя к двери, предупредила:

— Мария Михайловна! Тут к вам пришли!

Через минуту появилась одетая “по-православному”, то есть в длинную юбку и закрытую кофту, с платком на голове, невысокая женщина с ясным,

простым русским лицом. Синие глаза её были спокойны. И бездонны. Как у Мадонны.

— Здравствуйте! — она приветливо улыбалась.

— Здравствуйте! Я Дубравин. Вам звонили. Из Москвы. Из епархии.

— Мы вас ждём! — напевно сказала она. — И готовы показать всё, что вас интересует.

— Может быть, надо заказать экскурсию? — Дубравин как человек деловой привык к тому, что в этом мире всё стоит денег. И рассчитывать “на милости от природы” ему нечего.

— Нет! Нет! Вы наш гость! Наш человек. И дорогому гостю не надо беспокоиться. Что бы вы хотели увидеть?

Собственно говоря, он и сам точно не знал, что бы он хотел увидеть. И, конечно, рассказывать о том, что в путь его отправил необычный сон-видение, он тоже не станет. Ещё засмеют! Поэтому Дубравин уклончиво ответил, что он уже был в Лавре много лет назад. Неверующим человеком. А сейчас он хотел бы вспомнить забытое. Освежить впечатление.

* * *

Сон случился недавно. После Иерусалима. Он выходит из храма. А на встречу ему то ли движутся, то ли плывут по воздуху три благообразных старца. В монашеских сияющих одеждах. Невероятно высокие, по-юношески стройные. С живыми блестящими глазами. Они улыбаются. И эти улыбки несут ему неизъяснимую радость. И счастье.

Средний старец — самый высокий, с чистым узким лицом — устремляет на него свой удивительный, лучистый взгляд. И неожиданно произносит: “Просыпайся, Алёша! Пришло твоё время. Пробудись!”

Второй — чернобородый, одетый в полуфелонь, расшитую яркими крестами, — добавляет: “Бывает, мы что-то ищем далеко, а оно совсем рядом с нами!”

“Оборотись, сынок! — говорит третий — приземистый с огненными глазами. — Посмотри! Ты уже был там! Только не увидел. Раскрой глаза!”

Мальчик, а это он сам, оборачивается и видит, что позади него не храм Гроба Господня, а большие открытые ворота.

“Боже мой! — думает он во сне, оглядывая эти высоченные стены, величественные белые надвратные башни, огромные деревянные ворота, взметнувшиеся ввысь колокольни с золочёными куполами, уютные дворики, величественные, с приглушённым светом, расписанные библейскими сюжетами стены и колонны... И узнает.

Троице-Сергиева Лавра...

Дубравин приезжал туда, когда только перебрался из Казахстана в Россию. Там он увидел Патриарха Пимена в Великий Праздник.

* * *

Пошёл мелкий весенний дождь. Мария раскрыла смешной, почти детский разноцветный зонтик. И предложила ему спрятаться под него. Дубравин, понимая, что вдвоём под таким укрытием не выстоять, отказался. Понадеялся на свою чёрную плащевую куртку и такую же кепку с большим козырьком. Так мужественно и вошли они под дождём в открытые ворота Лавры.

“Странно! — думал он, шагая рядом с гидом. — Тогда я искал своё место на русской земле. Искал Родину. И здесь ощутил, что я дома. Теперь жизненная дорога снова привела меня сюда. Зачем? Наверное, чтобы продолжить этот путь. Но уже в другом измерении. Духовном!”

Намокшие скользкие камни мостовой вели их вперёд. А Мария уже рассказывала об уникальной истории этого потаённого когда-то места, скрытой от чужих глаз, невидимой миру духовной жизни России.

Но это было давно. А теперь Лавра полна людей. Зевак, паломников, туристов. И Дубравин недоумевал: “Где в этом муравейнике можно найти покой и гармонию? Ведь для этого нужны уединённое житие и тишина?”

Но потом поймал себя на этих осуждающих мыслях и пресёк их: “Не суди, да не судим будешь! Может, все эти люди ищут того же, что и ты!”

Но мысли, назойливые и парадоксальные, не исчезали просто так. Они лезли, вползали, скользили в сознании.

— А теперь мы с вами посетим крипту, гробницу, расположенную в полуподвальном помещении храма.

Они свернули с дорожки к маленькой дверце. Спустились по ступенькам в подземелье Успенского собора и оказались в особом маленьком храме. Кроме иконостаса, здесь стояли две большие квадратные гробницы, где покоятся два патриарха. Но не они привлекли внимание Дубравина, а маленький рыжебородый монашек. Рядом с ним стояли две тётки блёклого вида. Монах что-то вдохновенно говорил. Дубравин прислушался:

— Монастырь — это тот самый, можно сказать, рай на земле, который мы вечно ищем!

“Ну, ну! Может, оно и так! А может, и не совсем!” — думал Александр.

На паперти храма толпились народ. В основном, туристы. Дубравин, как и полагается, снял, несмотря на дождь, кепку и широко перекрестился при входе. После этого переступил порог. И оказался в мире икон. Сколько же их здесь? Множество! И со всех взирали на него суровые и печальные лики святых и Божьих угодников.

Внутри тоже было полно народу. Яблоку негде упасть. Как на базаре. Он даже слегка растерялся. Куда двигаться?

Но его провожатая твёрдо знала, куда им надо, — к главной святыне. И, лавируя, они, наконец, добрались к ней.

Он увидел стеклянный куб, в котором стоял потемневший от времени деревянный гроб. Вернее, узенький, длинный гробик, в котором когда-то покоилось тело святого. Стекло бликовало. И Дубравин наклонился ниже. Пригляделся. Одна из боковых досок словно щерилась обгрызённым краем.

Дубравин потихоньку спросил Марию:

— А что это он так выглядит? Весь верхний край как будто обгрызен бобрами?

Она также тихо, с лёгкой улыбкой на устах ответила:

— Это паломники.

— ???

— Когда гроб Сергия стоял не под стеклом, паломники, которые прикладывались к нему, чтобы поцеловать, потихоньку грызли дерево...

— Зачем? — удивился Александр.

— Чтобы забрать с собою частичку святого дерева.

“Вот оно что! Но разве вера и благодать в дереве? В вещах? Это же дело души! Странно все это”.

Они пошли дальше путешествовать по Лавре. И Мария, всё более воодушевляясь, рассказывала о жизни святого. Голос её звенел.

Дубравин, конечно, читал житие Сергия Радонежского. Но её рассказ сильно отличался от прочитанного. Это был рассказ не о лубочном отлакированном образе. А о живом, страдавшем, боровшемся, активном человеке. И по мере того, как картина жизни Сергия разворачивалась перед ним во всех цветах, гость чувствовал какой-то прилив энергии — желание жить, любить и подражать ему.

“Нет, не в том правда Сергия, что он скрылся в лесах, чтобы духовно расти самому и спасти собственную душу. А в том, что он, уже совершенный христианин и человек, стремился изменить окружающий, совсем не гостеприимный мир. Ведь Сергей не прятался от мира, хотя и был монахом. По сути своей, он был творцом новой жизни. Учредил на Руси общежительные монастыри. Раньше монахи жили каждый сам по себе. Своим хозяйством. Собирались только на молитвы да на праздники. И монастыри назывались особножительными. Те, что побогаче, жили за счёт принесённого с собою богатства. Другие работали. Или собирали милостыню. И монастыри были

местом неравенства. Сергей совершил переворот. Революцию. Всё стало общим. Личного не стало. Все стали трудиться. Исполнять послушания. Монастыри стали жить своим трудом. И их общины были той силой, которая помогала государству осваивать новые земли, а также оборонять его пределы.

Россия начинала колонизировать Север и Сибирь с их помощью.

Кроме того, святой активно участвовал в жизни страны, народа. Не раз мирил князей во время великих междоусобиц.

А борьба с татарами? Ведь он придал борьбе за свободу ещё и особый, религиозный смысл — смысл борьбы христиан с басурманами”.

И чем больше Дубравин узнавал о простой и безыскусной жизни этого удивительного человека, тем больше понимал, что нашёл, наконец, тот идеал, к которому стремился.

Ему казалось, что он долго блуждал по каким-то зарослям и кривым тропинкам. И вот теперь вышел на широкую светлую дорогу.

“Как странно, — думал он, словно споря с тем монашком, которого встретил в крипте, — не тихим раем является Лавра, а местом трудов и борьбы. Не было у Сергея никаких наставников, менторов. Он сам торил свою тропу. И вёл за собой других. Вот человек, который может быть примером”.

Но здесь, в Лавре, его ждало не только это открытие. На обратном пути к воротам он заметил церковную книжную лавку. Решил зайти. Взгляд привычно скользил по корешкам разноцветных альбомов, названиям серьёзных книг. И вдруг упёрся! Не в житие. Не в Евангелие. Не в икону. А во что-то важное, зацепившее его изнутри. Маленькая такая рыжая книжица размером с хороший блокнот для записей. Дубравин взял её с полки. Машинально повернул. И прочитал название: “Добротолубие!” Глянул в аннотацию на обложке: “Настоящий труд — избранное из пяти томов “Добротолубия”. Составлен настоятелем Казанско-Богородицкого мужского монастыря в г. Харбине архимандритом Ювеналием”.

Открыл на первой попавшейся странице. Прочёл первую фразу. И... уже не мог оторваться:

“Надобно стараться иметь ум в безмолвии. Как глаз, который в непрерывном движении, то вертится в стороны, то обращается часто вверх и вниз, не может ясно видеть того, что перед ним, а напротив того, если хочешь сделать, чтобы зрение его было ясно, надобно устремить взор на один видимый предмет, так и ум человеческий, если развлечён тысячами мирских забот, не может ясно усматривать истину.

Из писем Василия Великого к Григорию Богослову”.

“Понятно, к чему надо стремиться. Ведь беспокойные мысли мешают нам, не дают жить в душевном мире и радости. Но где же путь? Он должен быть здесь. Иначе зачем я сюда ехал?”

Он листает, листает белые страницы. Мелькают имена великих святых и преподобных. Тех, кто жил за тысячи лет до нас, так же, как и один из основателей монашества Василий Великий.

И в разделе “Молитва Иисуса” Дубравин, наконец, находит то, что надо.

Святитель Григорий Палама, архиепископ Солунский:

“Чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух!”

“Премногое множество было таких, которые, живя в миру, всецело были преданы умной (Иисусовой) молитве, как уверяют исторические о них записи”.

Ему вторит Преподобный Иоанн Лествичник:

“Память Иисусова да срастится с дыханием твоим, и тогда познаешь ты пользу безмолвия”.

И, наконец, Преподобный Григорий Синаит:

“С утра понудь ум твой сойти из головы в сердце и держи его в нём и непрестанно взывай умно и душевно: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” И от себя Дубравин добавил: “Помилуй мя, грешного!”

Всё. Круг замкнулся.

Мария, его сопровождающая, словно продолжая какой-то прерванный с кем-то разговор, взглянула в книгу, которую он бережно держал в руке и сказала:

— Да, это они говорят о практике “исихазма”. Древняя традиция. Суть её проста — человек повторяет Иисусову молитву. И вытесняет мысли, достигая таким образом внутренней тишины. Ведь в переводе с греческого “исихазм” значит “спокойствие, тишина”. Наш Сергей Радонежский и был великим исихастом! И всегда творил про себя Иисусову молитву!

“Так вот какой ключ я искал у гроба и у раки с мощами!”

* * *

Вечером, прочитав несколько глав новой книги, он прилёг на кровать. И уже закрыв глаза, начал про себя читать раз за разом Иисусову молитву.

Но упорные, назойливые мысли всё не уходили. Сбивали с нужного строя. Прошло с полчаса усилий, сосредоточения, пока, наконец, он не почувствовал первый результат. Шум, разногласия начали отходить на задний план. Ум прояснялся. Молитва и тишина слились вместе, образовав какую-то сладостную благодать, которая медленно заливала его сердце и душу.

Впервые за много дней он уснул с тихой улыбкой на лице.